

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

Савва (Ignis sanat)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148198

Аннотация

«Внутренность мещанского жилища в монастырском посаде. Две комнаты, третья в перспективе. Все кривое, старое, загаженное. Первая комната – нечто вроде столовой, большая, грязная, с низким потолком, с дешевыми запятнанными обоями, кое-где отставшими от стен. Три маленькие окна выходят во двор; видны навесы, телега, какая-то рухлядь. Деревянная дешевая мебель, большой непокрытый стол; на стенах засиженные мухами виды монастыря и портреты монахов. Вторая комната для гостей, почище; на окнах кисейные занавески, два горшка с засохшей геранью; диван, круглый стол со скатертью, горка с посудой...»

Содержание

Действующие лица:	4
Действие первое	7
Действие второе	42
Действие третье	77
Действие четвертое	108

Леонид Андреев

Савва (Ignis sanati)¹

Драма в четырех действиях

Действующие лица:

Егор Иванович Тропинин, содержатель трактира в монастырском посаде. Старик лет под шестьдесят; держится важно, говорит внушительно и строго.

Его дети:

Антон (Тюха). Лет 35–38, грузный, одутловатый, с одышкой. Лицо бескровное, мрачное, сонное, с редкой растительностью. Говорит медленно и трудно; никогда не смеется.

Олимпиада. 28 лет. Довольно красивая, белая; есть что-то монастырское в одежде.

Савва. 24 лет. Большой, широкоплечий, немного мужиковатый. Ходит слегка сгорбившись, плечом вперед, носки внутрь. Жесты рук округленные, красивые, ладонью вверх – точно держит что-то. Черты лица крупные, рубленые; вместо бороды и усов – мягкий

светлый пушок. Когда волнуется или сердится, становится весь серый, как пыль; движения делаются легкие, быстрые, сутулость исчезает, – точно распахивается весь. Одет в блузу и сапоги, как рабочий.

Пелагея, жена Тюхи, веснушчатая, бесцветная женщина лет 30. Одета по-мещански, грязно, неряшливо.

Сперанский, Григорий Петрович, бывший семинарист. Высокого роста, очень худой, лицо продолговатое, бледное, с пучком черных волос на подбородке. Длинные гладкие волосы, двумя прядями свисающие вдоль лица. Одет или в длинное черное пальто, или в такой же сюртук.

Кондратий. Послушник, 42 лет, невзрачный, узкогрудый человек с подпухшими живыми глазками.

Молодой послушник Вася. Крепкий, сильный юноша лет 20. Круглое, веселое, улыбающееся лицо, волнистые светлые волосы.

Царь Ирод. Лет 50. Странник. Лицо сухое, изможденное, черное от загара и придорожной пыли; косматые седые волосы, такая же борода, что придает ему дикий вид. Одна только рука, левая; другая по плечо отрезана. Росту высокого, как и **Савва**.

Толстый монах.

Седой монах.

Человек в чуйке.

Монахи, богомольцы, странники, калеки и убогие, слепцы, уроды.

Действие происходит в начале XX столетия, в богатом монастыре, известном чудотворною иконою Спасителя. Между первым и последним актами проходит около двух недель.

Действие первое

Внутренность мещанского жилища в монастырском посаде. Две комнаты, третья в перспективе. Все кривое, старое, загаженное. Первая комната – нечто вроде столовой, большая, грязная, с низким потолком, с дешевыми запытаннанными обоями, кое-где отставшими от стен. Три маленькие окна выходят во двор; видны навесы, телега, какая-то рухлядь. Деревянная дешевая мебель, большой непокрытый стол; на стенах засиженные мухами виды монастыря и портреты монахов. Вторая комната для гостей, почище; на окнах кисейные занавески, два горшка с засохшей геранью; диван, круглый стол со скатертью, горка с посудой. Из первой комнаты дверь налево ведет в трактир: когда дверь открывается, из трактира доносится чье-то заунывное, монотонное пение.

Летний жаркий полдень, тишина; изредка под окном прокудахчет курица; через каждые полчаса на монастырской колокольне бьют часы: перед тем как ударить, они долго и непонятно вызванивают что-то. Пелагея, беременная, моет полы.

Пелагея (у нее кружится голова; шатаясь, она

опирается на стену и так стоит некоторое время, бессмысленно глядя перед собой). Ох, Господи! (Молет.)

Липа *(входит, изнемогая от жары). Духота какая! Не знаю, куда деваться. Голова как дурманом налита. (Садится.) Поля, а Поля?*

Пелагея. Что?

Липа. Поля, а папаша где?

Пелагея. Спит.

Липа. Ох, не могу! *(Открывает окна, потом, бесцельно пройдясь по комнате, заглядывает в трактир.)* Тюха тоже за стойкой спит. Искупаться бы пойти, да жарко, не дойдешь до реки. Поля, ты хоть бы сказала что-нибудь.

Пелагея. Что?

Липа. Все моешь?

Пелагея. Мою.

Липа. А через день опять грязные будут. Охота тебе!

Пелагея. Надо.

Липа. Посмотрела я сейчас на улицу, так даже жутко: ни человека, ни собаки. Точно умерло все... И монастырь такой странный: как будто он висит в воздухе. Дунуть на него, и он заколышется и улетит. Что же ты молчишь, Поля? А Савва где? Не видала?

Пелагея. На выгоне с ребятами в ладыжки играет.

Липа. Какой смешной!

Пелагея. Что же тут смешного? Ему работать надо, а он игры играет, как маленький. Не люблю я вашего Савки!

Липа (*лениво*). Нет, он хороший.

Пелагея. Да! Пожаловалась я ему, как хорошему, что трудно мне, а он говорит: что ж, хочешь быть лошадью, так вези. Зачем только приходил сюда? Где был, там бы и оставался.

Липа. Родных повидать. Десять лет, Поля, не видал, как хочешь. Ведь он еще мальчиком ушел отсюда.

Пелагея. Очень ему нужны родные! То-то Егор Иванович не знает, как от него отделаться. Соседи и те удивляются: одет как рабочий, а держится по-господски. Ни с кем не хочет говорить, а только ворочает глазами, как идол. Я глаз его боюсь.

Липа. Какие пустяки! У него красивые глаза.

Пелагея. Разве он не видит, как мне трудно: одна на весь дом работаю. А он что? Давеча волоку я кадку, надрываюсь, а он прошел мимо, «здравствуй» не сказал. Много я людей перевидала, а ни один не был мне так противен.

Липа. У меня от жары круги перед глазами. А ты если не хочешь, Поля, так и не работай, – никто тебя не заставляет.

Пелагея. А если не я, так кто же будет работать? Не ты ли?

Липа. И я не стану. Работницу найдем.

Пелагея. То-то денег у вас много.

Липа. А на что их беречь?

Пелагея. Вот умру я скоро, тогда и нанимайте. Моего веку немного осталось. Скинула одного ребенка, а на другом и сама Богу душу отдам. Что же! Лучше, чем такая жизнь. Ох! *(Хватается за поясницу.)*

Липа. Да кто же заставляет тебя? Господи! Ну брось, не мой.

Пелагея. Да, брось. А потом сами будете говорить, отчего грязно.

Липа *(маясь от жары и от речей Пелагеи)*. Господи, тоска какая!

Пелагея. А мне не тоска? Ты что, ты ведь барыня. У тебя одно дело: Богу молиться да книжки читать. А мне и помолиться некогда: так с подоткнутым подолом на тот свет и вляпаюсь, – здравствуйте!

Липа. Ты и на том свете полы будешь мыть.

Пелагея. Нет, это ты будешь там полы мыть, а я буду барыней сидеть. На том свете мы первые будем. А тебя и твоего Савку за гордость и жестокосердие твое...

Липа. Ах, Поля! Да разве же я тебя не жалею?

Егор Иванович *(входит; сильно заспанный, боро-*

да на сторону, ворот рубахи растегнут, дышит тяжело). Фу-ты... Польшка, принеси-ка квасу. Поживее!

Пауза.

Егор Иванович. Кто окна открыл?

Липа. Я.

Егор Иванович. А зачем?

Липа. Жарко. Тут от печки от трактирной продохнуть нельзя.

Егор Иванович. Ну и закрой. Закрой, говорю! А если жарко, так на погреб ступай.

Липа. Да зачем это?

Егор Иванович. А затем! Ну, закрывай, закрывай. Сказано, чего ждешь?

Липа, пожимая плечами, закрывает; хочет уходить.

Егор Иванович. Куда? Как отец пришел, так бежать. Посиди.

Липа. Да ведь я вам не нужна.

Егор Иванович. Нужна – не нужна, а посиди. Не умрешь. Ох, Господи! *(Зевает и крестится.)* А Савка где?

Липа. Не знаю.

Егор Иванович. Скажи ему, выгоню его.

Липа. Сами скажите.

Егор Иванович. Дура! *(Зевает и крестится.)* Господи Иисусе Христе, помилуй нас грешных. Что это я нынче во сне видел?

Липа. Не знаю.

Егор Иванович. Тебя и не спрашивают. Дура, как же ты можешь знать, что я во сне видел, а? Вот голова!

Пелагея *(подает квас).* Натё!

Егор Иванович. Натё! Поставь, а не натё. *(Берет кружку и пьет.)* О чем я говорил-то?

Пелагея домывает полы, Липа смотрит в окно.

Егор Иванович. Да, отец игумен... Ловкий человек, поискать таких. Новый гроб на место старого поставил. Старый-то весь богомольцы изгрызли, так он новый поставил. Новый поставил, да. На место старого. И этот изгрызут дураки. Им что ни поставь. Дураки! Ты слышишь или нет?

Липа. Слышу. Что же тут хорошего? Обман, больше ничего.

Егор Иванович. А то и хорошего, что у тебя не спросился. Старый-то весь изгрызли, так он новый поставил, такой же. Да, как раз такой, в каком преподоб-

ный лежал, помяни ты нас во царствии твоём небесном. *(Крестится и зевает.)* И зубы от него тоже проходят. Старый-то они весь изгрызли. Куда? Посиди.

Липа. Я не могу, тут так жарко...

Егор Иванович. А я могу? Посиди, не растаешь.

Пауза.

Старый-то они сгрызли, так он новый поставил. А Савка где?

Пелагея. С ребятами в ладыжки играет.

Егор Иванович. Тебя не спрашивают. Который час?

Пелагея. Два пробило.

Егор Иванович. Ты ему скажи, что я его выгоню. Я этого не потерплю.

Липа. Да чего? Вы скажите толком.

Егор Иванович. Того. Кто он такой? Как обедать, так его и нету, а потом придет и жрет один, как собака. По ночам шатается, калитку не запирает. Вчера выхожу, а калитка настезь. Обокрадут, кто тогда отвечать будет?

Липа. Ну, какие у нас воры?

Егор Иванович. Такие, всякие. Люди спят, а он шатается: где это видано?

Липа. Да если ему спать не хочется, Господи!

Егор Иванович. Ну, ты тоже. Не хочется, так полежи: заснешь. Никому спать не хочется, а как полежал, так и заснул. Не хочется! Знаю я его. Пришел – кто звал? Делал там бумажки, так и делал бы, а сюда чего?

Липа. Какие еще бумажки?

Егор Иванович. Какие? Не настоящие же: за настоящие ничего не бывает. Фальшивые, вот какие. За это, брат, по головке не погладят, теперь строго. А я возьму – становому приставу и скажу: так и так, пощупайте-ка его.

Липа. Какие глупости!

Пелагея. Это ты одна не знаешь, все знают.

Липа. О Господи!

Егор Иванович. Ну, Бога-то мы знаем получше твоего, нечего взывать. А ты ему скажи. Я его не боюсь, не на таковского напал. Возьму и выгоню: ступай, откуда пришел. Ты грабить будешь, а я за тебя отвечать, где это видано?

Липа. Вы еще не проснулись как следует, папаша.

Егор Иванович. Я-то проснулся давно, а ты-то вот проснулась ли. Смотри, Олимпиада, не было бы тебе того же.

Липа. Чего?

Егор Иванович. Того... *(Зевает и крестится.)*
Поднялась бы из гроба покойница, посмотрела бы –

то-то бы похвалила: хороши детки! Вскормил я вас, взлелеял, а вышли настоящие прохвосты. Тюха вот скоро тоже запьет, по харе вижу. Где это видано? Скоро на праздник народ попрет, а я один за всех работай. Полька, подыми спичку, вон. Да не там, дура слепая! Вот, дура!

Пелагея (*ищет*). Да не вижу я.

Егор Иванович. Вот огрею я тебя по затылку, так сразу увидишь. Да вот она, черт!

Липа (*в изнеможении*). Господи, жарница какая!

Егор Иванович. Да вот она! Куда лезешь? Под стулом. Вот анафема!

Входит Савва, очень веселый, в подоле ладыжки.

Савва. Шесть пар с лашкой выиграл!

Егор Иванович. Скажите пожалуйста.

Савва. Мишку, подлеца, насилу доконал. Ты что бурчишь там?

Егор Иванович. Ничего. Только бы лучше ты мне «вы» говорил.

Савва (*не обращая на него внимания*). Липа, я шесть пар выиграл.

Липа. Как ты можешь в такую жару!..

Савва. Погоди, я сейчас ладыжки отнесу. Теперь у меня восемнадцать пар. Ну и подлец Мишка: здорово

играет.

Уходит.

Егор Иванович (*поднимается*). Больше я не желаю его видеть. А ты ему скажи.

Липа. Хорошо, скажу.

Егор Иванович. Ты – не «хорошо», а делай, что тебе отец приказывает. Народил прохвостов, нечего сказать. (*Уходит.*) То-то бы покойница поглядела!..

Пелагея. Тоже о покойнице вспоминает, а кто ее в гроб вогнал? До смерти заговорил, зуда проклятая. Говорит-говорит, зудит-зудит, а чего ему надо – и сам не знает.

Липа. Да тут с вами... точно в железные обручи заворачивают голову.

Пелагея. Так и уходила бы со своим Савкой, чего ждешь?

Липа. Вот ты. За что ты на меня злишься?

Пелагея. Я не злюсь; я правду говорю. Замуж не хочешь, женихами брезгуешь, так шла бы в монастырь.

Липа. В монастырь я не пойду, а уйти, должно быть, скоро уйду.

Пелагея. Ну и уходи: скатертью дорога.

Липа. Ах, Поля, ты вот все сердисься, злишься, а не знаешь ты, о чем я по ночам думаю. Лежу и думаю.

И о тебе, Поля, думаю, и обо всех несчастных, обо всех.

Пелагея. Обо мне нечего думать, о себе лучше думай.

Липа. И никто об этом не знает... Ну, да что говорить: ты все равно не поймешь. Мне жаль тебя, Поля!

Пелагея смеется.

Что ты?

Пелагея. А жаль, так вот возьми-ка ведро, вынеси. Я брюхатая, мне тяжелое поднимать не годится, так потрудись ты за меня. Христа ради.

Липа (*хмурится, потом лицо ее проясняется, и с улыбкой она берет ведро*). Давай. (*Хочет нести.*)

Пелагея (*со злостью*). Фокусница! Пусти, куда тебе. (*Уносит ведро, потом возвращается за тряпками.*)

Входит Савва.

Савва (*сестре*). Ты что это такая красная?

Липа. Жарко.

Пелагея смеется.

Савва. Послушай, Пелагея, Кондратий меня не спрашивал?

Пелагея. Какой еще Кондратий?

Савва. Отец Кондратий, послушник; так, вроде воробья.

Пелагея. Никакого Кондратия я не видала. Воробей! Тоже скажут!..

Савва. Позови-ка сюда Тюху.

Пелагея. Сам позови.

Савва. Ну!

Пелагея (*сперва кричит в дверь, потом идет в трактир*). Антон Егорыч, вас зовут!

Липа. Зачем он тебе?

Савва. Что у вас здесь у всех за привычка спрашивать: куда, кто, зачем, почему?

Липа (*немного обиженно*). Не хочешь, так не говори.

Тюха (*входит, говорит медленно и трудно*). Ну, кто там зовет?

Савва. Я. Придет сюда послушник Кондратий – знаешь? – так пошли его сюда.

Тюха. А ты кто такой?

Савва. И водки пришли, полбутылки, слышишь?

Тюха. Может, слышу, а может, и нет. Может, пришлю водки, а может, и нет. Кто знает?

Савва. Какой скептик! Ты одурел, Тюха?

Липа. Оставь его, **Савва.** Это он у семинариста, у Сперанского, научился. У него и так в голове...

Тюха (*садится*). Меня никто не учил, я сам все понимаю. У меня кровь в сердце запеклась.

Савва. Это у тебя от пьянства, **Тюха.** Брось пить.

Тюха. У меня кровь в сердце запеклась. Ты думаешь, я не понимаю, почему это такое? Вдруг не было тебя, и вдруг пришел. Нет, я все понимаю. У меня видения бывают.

Савва. Что же ты видишь? Бога?

Тюха. Никакого Бога нет.

Савва. Вот как!

Тюха. И дьявола нет. Ничего нет. И людей тоже нет. И зверей тоже нет. Ничего нет.

Савва. Что же есть?

Тюха. Рожи одни есть. Множество рож. Все рожи, рожи, рожи. Очень смешные рожи, я всегда смеюсь. Я сижу, а они мимо меня так и скачут, так и плывут. У тебя тоже, Савва, очень смешная рожа. (*Мрачно.*) Можно умереть со смеху.

Савва (*весело смеется*). Ну-у? Какая же у меня рожа?

Тюха. Такая... (*Тычет пальцем.*) И у нее рожа, и у нее рожа. И у папаши тоже рожа. И, кроме того, другие рожи. Множество рож. Я в трактире сижу и все вижу; меня нельзя обмануть. Какая рожа большая, ка-

кая маленькая, и все они так и плавают, так и плавают. Какие далеко, какие совсем близко, как будто хочешь поцеловать или за нос укусить. У них зубы.

Савва. Ну, ладно, Тюха, ступай; потом о рожках поговорим. У тебя у самого очень занятная рожа.

Тюха. Ну да, а то как же? И у меня рожа.

Савва. Ладно, ладно. Ступай, да водки тогда пришли, не забудь.

Тюха. Какие днем, какие ночью... Множество рож. *(С порога.)* А водки, может, пришлю, а может, и нет. Не знаю еще.

Савва *(Липе)*. Давно он такой?

Липа. Не знаю, давно уже, кажется. Он сильно пьет.

Пелагея. С вами нехотя запьешь. *(Уходит.)* Идолы!

Липа. Жара какая... куда деваться, не знаю. Савва, отчего ты так плохо относишься к Поле? Она такая несчастная, жалкая.

Савва. Рабья душа, кривая. Она на трехногий стул похожа.

Липа. Она не виновата, что она такая.

Савва *(равнодушно)*. Да и я не виноват.

Липа. Ах, Савва, если бы ты знал, какая у нас здесь ужасная жизнь. Мужчины пьянствуют, бьют жен, а жены...

Савва. Знаю.

Липа. Как ты равнодушно говоришь это. А мне так

хотелось поговорить с тобой...

Савва. Что же, говори.

Липа. Ты скоро, вероятно, опять уйдешь отсюда?

Савва. Да, скоро.

Липа. Ну вот... так, пожалуй, и не удастся поговорить. Дома ты бываешь редко... Сегодня чуть ли не в первый раз... Да, Савва, и охота же тебе играть с ребятами, со стороны смешно смотреть. Такой ты большой, как медведь...

Савва (весело). Нет, Липа, они хорошо играют. Мишка – хорошо, и мне с ним трудно справиться. Вчера я ему три пары проиграл.

Липа. Да ведь ему десять лет!

Савва. Ну так что же? Да и народу здесь нет, кроме них. Самый умный народ.

Липа (с улыбкой). А я?

Савва (смотрит на нее). А ты? Что же, и ты – как другие.

Пауза. Липа обижена, и вялость ее несколько исчезает.

Липа. Может, тебе скучно со мной?

Савва. Нет, все равно. Я никогда не скучаю.

Липа (принужденно смеется). Что же, и на том спасибо. Ты был сегодня в монастыре? Ты туда часто,

кажется, ходишь?

Савва. Был, а что?

Липа. Ты, вероятно, совсем его не помнишь? А я так его люблю. Он у нас такой красивый, такой задумчивый иногда. Мне нравится, что он такой старый: от этого в нем есть какая-то важность, строгое спокойствие, отчужденность.

Савва. Ты много книг читаешь?

Липа (*краснея*). Прежде много читала... Я ведь четыре зимы в Москве жила, у тети Глаши. Ты почему спрашиваешь?

Савва. Так... продолжай.

Липа. Тебе смешно, что я так говорю?

Савва. Нет, ничего... говори.

Липа. Но ведь монастырь, правда, такой удивительный. Там, знаешь, есть хорошие уголки, где никто не бывает, – так, где-нибудь между глухими стенами, где только трава да упавший кирпич, да какой-то старый-старый сор. Я люблю бывать там, особенно в сумерки или вот в такой жаркий, сонный день. Стоишь, закрывши глаза, и кажется, что видишь что-то далекое-далекое. Тех, кто первые его строили, кто первые в нем молились. Вот идут они по мосткам, несут кирпичи и что-то поют – так тихо, далеко. (*Закрывает глаза.*) Так тихо, тихо...

Савва. Я не люблю старого. И строили его, конеч-

но, крепостные, и когда таскали кирпичи, то не пели, а ругались. И кто-нибудь как раз на этом месте сломал себе шею. Так будет вернее.

Липа (*открывая глаза*). А у меня такие мечты... Я ведь здесь одна, **Савва**... мне и поговорить не с кем. Послушай, ты не будешь сердиться? Скажи мне, мне одной, зачем ты пришел сюда к нам? Ведь не молиться же, не на праздник: ты не похож на богомольца.

Савва (*хмуро*). Что это, любопытство? Не люблю я этого.

Липа. Как ты можешь думать это? Разве я похожа на любопытную? Ведь две недели ты видишь меня и должен понимать, что я одинока здесь. Одинока, **Савва**. И тебе я рада, как манне небесной: ведь ты первый живой человек оттуда, из настоящей жизни. В Москве я жила так тихо, только книги читала, а тут... Ты видел наших, какие они.

Савва. А в других местах, ты думаешь, лучше?

Липа. Не знаю. Вот я и хочу узнать от тебя. Ты так много видел, ты был даже за границей...

Савва. Недолго.

Липа. Все равно. Ты видел много людей, образованных, умных, интересных, ты жил с ними, – ну как они живут, ну какие они? Расскажи мне все.

Савва. Дрянной народ.

Липа. Да?.. Что ты говоришь?

Савва. А живут они, как и вы здесь живете: глупо, бестолково, и только слова у них другие. Но это еще хуже. Скоту оправданием служит отсутствие речи, а когда скот начинает говорить, защищаться, мечтать, получается совсем мерзко. И жилье у них другое, это правда, но и то неважное. Я был, Липа, в одном городе, где живет сто тысяч человек, и во всех домах окна маленькие. Все любят свет, а никто не догадается, что нужно сделать большие окна. И когда строят новый дом, то окна делают по-старому – такие же маленькие.

Липа. Вот как, не думала я этого. Но ведь не все же такие, ведь видел же ты, наверное, хороших людей, которые умеют жить.

Савва. Как тебе сказать? Пожалуй, и видел, если не совсем хороших, то... Вот те, с которыми я жил последнее время, – народ ничего себе. Стараются брать жизнь не готовую, а делать ее по своей мерке. Но...

Липа. Кто же они? Студенты?

Савва. Нет. Ты, того, как насчет языка – не из болтливых?

Липа. Савва! Ну как тебе не стыдно!

Савва. Ладно. Так вот: ты читала про людей, которые бомбочки делают – бомбочки, понимаешь?.. Ну, и если кто-нибудь мешает жить, так они его, того, убирают. Называются они террористами. Но это не совсем

верно. *(Пренебрежительно.)* Какие они террористы!

Липа *(отодвигаясь, пораженная)*. Что ты говоришь? Неужели это правда? И ты тоже? Все так просто, и ты вдруг... Мне даже холодно стало.

За окном кричит петух, нашедший зерно и сзывающий кур.

Савва. Ну вот, испугалась. То Расскажи, а то...

Липа. Нет, ничего, я так. Очень неожиданно, Савва. Я думала, что таких людей нет в действительности, что это только сочиняют. И вдруг мой брат... Ты не шутишь, Савва? Посмотри на меня!

Савва. Да чего ты испугалась? Они вовсе не такие страшные. Скорее даже они смирный народ, рассудительный. Долго собираются, рассуждают, а потом бац! – глядь, какого-нибудь воробья и прикончили. А через минуту, глядь, на этой же ветке другой воробей скачет. Что ты смотришь на мои руки?

Липа. Так. Дай мне твою руку... нет, правую.

Савва. На.

Липа. Какая она тяжелая. Ты слышишь, какие у меня холодные руки? Ну говори, говори – как это интересно!

Савва. Да что говорить! Люди они храбрые, это верно, но храбрость у них больше не в голове, а в ру-

ках. А голова у них старая, с перегородочками, и все они опасаются, как бы не сделать чего лишнего, как бы не повредить. Ну можно ли вырубить здоровенный лесище, рубя по одному дереву, скажи на милость! А они так и делают: с одного конца рубят, а на другом подрастает. Пустое получается занятие. Предложил я им как-то одно дельце, пообширнее, да они, того, испугались. Слабоваты. Ну, я и ушел от них: пусть себе упражняются в добродетели. Узкий народ: широты взгляда у них нет.

Липа. Ты говоришь это так спокойно, как будто шутишь.

Савва. Нет, я не шучу.

Липа. А ты – неужели ты ничего не боишься?

Савва. Я-то? Пока ничего – да и впереди не ожидаю. Страшнее того, Липа, что человек раз уже родился, ничего быть не может. Это все равно, что утопленника спросить: а что, дядя, промокнуть не боишься? *(Смеется.)*

Липа. Так вот ты какой!..

Савва. Одному я у них научился: уважению к динамиту. Сильная вещь, с большой способностью убеждать.

Липа. Тебе двадцать четыре только года. У тебя еще ни усов, ни бороды нет.

Савва *(ощупывая лицо).* Растительность дрянная,

это верно. Но только что из этого следует?

Липа. Страх еще придет.

Савва. Нет. Если уже я до сих пор не испугался, когда жизнь увидел, так уж больше испугаться нечего. Жизнь, да. Вот обнимаю я глазами землю, всю ее, весь этот шарик, и нет на ней ничего страшнее человека и человеческой жизни. А человека я не боюсь.

Липа (*почти не слушая его, восторженно*). Да. Вот настоящие слова, вот! Савва, милый, я тоже не боюсь страданий тела. Я знаю, начни жечь меня на медленном огне, разрежь меня на части, я не вскрикну, — смеяться буду. Но я другого боюсь: я боюсь страдания людей, их неизбывного горя. Когда я подумаю ночью, в тишине, когда только колокол на часах, подумаю, сколько вокруг нас страданий, бесцельных, никому не нужных, даже никому не известных, — я холодею от ужаса. Я становлюсь на колени и молюсь, молюсь и говорю Богу: если нужна жертва, так возьми меня, но дай людям радость, дай им покой, дай им наконец забвение. Господи! Быть таким всемогущим!..

Савва. Да.

Липа. Я читала про человека, которого клевал орел, и мясо за ночь у него вырастало. Если бы мое тело могло стать хлебом и радостью для людей, я согласилась бы жить вечно и вечно в страданиях кормить им несчастных. Здесь в монастыре скоро будет

праздник...

Савва. Знаю.

Липа. Тут есть икона Спасителя с трогательной надписью: «Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные...»

Савва. «...И Аз упокою вы». Знаю.

Липа. Она считается чудотворною, и ты пойдя тогда посмотри. Точно река притекает к монастырю, точно море подходит к его стенам – и все это море из одних человеческих слез, страданий, горя. Какие уроды, какие калеки! Я потом хожу как сумасшедшая, я во сне их вижу. Есть такие лица, с такою глубиною страдания, что их никогда не забудешь, сколько ни живи. Ведь я прежде была веселая, Савва, пока не увидела всего этого. Здесь каждый год бывает один, по прозвищу царь Ирод...

Савва. Он уже здесь. Я видел его.

Липа. Да, видел?

Савва. Да. Лицо трагическое.

Липа. Он давно, в молодости еще, убил как-то нечаянно своего ребенка и с тех пор все ходит. У него ужасное лицо. И все они ждут чуда...

Савва. Да. Есть кое-что похуже неизбывных человеческих страданий.

Липа. Что?

Савва (небрежно). Неизбывная человеческая глу-

пость.

Липа. Не знаю.

Савва. А я знаю. Ты здесь видишь только клочок жизни, а если бы ты увидела, услышала ее всю... Первое время, когда я читал их газеты, я смеялся и думал, что это нарочно, что это издается в каком-нибудь сумасшедшем доме, для сумасшедших. Но нет, это серьезно. Это серьезно, Липа! И тогда моей мысли стало больно – невыносимо больно. *(Прижимает пальцы ко лбу.)*

Липа. У тебя болела голова?

Савва. Нет. Это особенная боль, ты ее не знаешь. Ее знают немногие. И испытать ее – все равно что пройти сквозь смерть: все остается по ту сторону. Я, Олимпиада Егоровна, видите ли, умер однажды – умер и воскрес.

Липа. Ты говоришь загадками.

Савва. Разве? А мне кажется, так просто. Только вот что немного странно: почему так жаждете вы все воскресения Христа? Хорошо, конечно, если Он придет с медовым пряником, а если вместо того Он бичом по всей земле: вон, торгующие, из храма!

Липа *(удивленно)*. Как ты говоришь про Христа!

Савва. С большим уважением. Но дело не в этом, а в том, видишь ли, что вот тогда я и решил – уничтожить все.

Липа. Что ты говоришь?

Савва. Ну да, все. Все старое.

Липа *(в недоумении)*. А человека?

Савва. А тебе человека жалко? Останется, не бойся. Ему мешает глупость, которой за эти тысячи лет накопилась целая гора. Теперешние умные хотят строить на этой горе, – но, конечно, ничего, кроме продолжения горы, не выходит. Нужно срыть ее до основания – до голой земли. До голой земли – понимаешь?

Липа. Я не понимаю тебя. Ты так странно говоришь!..

Савва. Уничтожить все: старые дома, старые города, старую литературу, старое искусство. Ты знаешь, что такое искусство?

Липа. Да, конечно, знаю. Картины, статуи... Я бывала в Третьяковской галерее.

Савва. Ну вот, Третьяковская галерея и другие поважнее которые. Там есть хорошее, но будет еще лучше, когда старое не будет мешать. Старое платье, все. У тебя есть любимые вещи?

Липа. Право, не знаю. Кажется, нет.

Савва. Остерегайся вещей! Ты не смотри, что они молчат, – они хитрые и злые. И их нужно уничтожить. Нужно, чтобы теперешний человек голый остался, на голой земле. Тогда он устроит новую жизнь. Нужно оголить землю, Липа, содрать с нее эти мерзкие лох-

мотья! Достояна она царской мантии, а одели ее в рубище, в арестантский халат. Городов настроили – идиоты!

Липа. Но кто же это сделает, уничтожит все?

Савва. Я.

Липа. Ты?

Савва. Ну да, я. Начну я, а потом, когда люди поймут, в чем дело, то присоединятся другие. Я принес на землю меч, и скоро все услышат его звон. Глухие – и те услышат. Не имеющие ушей, чтобы слышать, и те услышат.

Липа. Это ужасно! Сколько крови!

Савва. Да, многовато, но если бы был ее целый океан – все равно, через это надо перешагнуть. Когда дело идет о существовании человека, тут уже не приходится жалеть об отдельных экземплярах. Только бы сам выдержал... Ну, а не выдержит, туда, значит, ему и дорога, – не в свои, значит, сани сел. Мировая ошибочка произошла.

Пауза. На дворе кудахчут куры; оттуда же доносится сонный голос Тюхи: «Полька, тебя папаша зовет. Куда ты его картуз девала?».

Липа. Какие планы! Ты не шутишь, Савва?

Савва. Вот надоели мне с этим все – шутишь, шу-

тишь.

Липа. Я тебя боюсь, **Савва.** Ты так серьезно говоришь...

Савва. Да. Меня многие боятся, **Липа.**

Липа. Ты хоть бы улыбнулся!

Савва (*смотрит на нее широко и открыто и смеется с неожиданной ясностью*). Ах, ты, чудачка, да зачем я буду улыбаться? Я лучше засмеюсь. (*Оба смеются.*) Ты щекотки боишься?

Липа. Оставь, ну что ты, какой ты еще мальчик!

Савва. Ну ладно. А Кондратия нет как нет! Не унес ли его черт? Черти монахов любят.

Липа. Какие у тебя мечты, однако. Вот ты теперь шутишь...

Савва (*немного удивленно*). Это не мечты.

Липа. А у меня другие мечты, **Савва.** Ты теперь, милый, разговариваешь со мной, и я тебе как-нибудь вечером все расскажу. Пойдем гулять, и я расскажу.

Савва. Ну что ж, расскажи. Послушаю.

Липа. Савва, а скажи, если только можно, ты любишь какую-нибудь женщину?

Савва. Светла-таки на любовь, по-женски. Право, не знаю, что тебе сказать. Любил я как будто одну, да она не выдержала.

Липа. Чего не выдержала?

Савва. Да моей любви. Меня, что ли, я уж не знаю.

Только взяла и ушла от меня.

Липа (*смеется*). А ты что же?

Савва. Да ничего. Так и остался.

Липа. А друзья у тебя есть? Товарищи?

Савва. Нет.

Липа. А враги? Ну, такой враг, один, что ли, которого бы ты особенно не любил, ненавидел?

Савва. Такой, пожалуй, есть: Бог.

Липа (*не доверяя*). Что?

Савва. Бог, я говорю. Ну, тот, кого вы называете вашим Спасителем.

Липа (*кричит*). Ты не смеешь так говорить! Ты с ума сошел!

Савва. Ого! В чувствительное место попал?

Липа. Ты не смеешь!

Савва. Я думал, ты кроткая голубица, а язычок-то у тебя, как у змейки. (*Показывает рукой движение змеиного языка.*)

Липа. Господи! Как ты осмелился, как ты мог, Спасителя! Ты взглянуть на Него не смеешь... Зачем ты пришел сюда?

*Из дверей трактира показывается **Кондратий**. Оглядывается и тихонько входит.*

Кондратий. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Савва. Аминь. Только очень вы запоздали, почтенный!

Кондратий. Творил волю пославшего. Молоденькие огурчики для отца игумена собирал: любят они эту закуску. Ну, жара! Семь потов сошло, пока добрался.

Савва (*Липе*). Вот монах – посмотри: любит выпить, недурно сквернословит, не дурак и насчет бабья...

Кондратий. Не конфузьте, Савва Егорович. При девице-то!

Савва. И вдобавок не верит в Бога.

Кондратий. Они шутят!

Липа. Мне такие шутки не нравятся. Вы зачем пришли?

Кондратий. По зову-с.

Савва. Он мне нужен.

Липа (*не глядя на Савву*). Зачем?

Савва. А это тебя не касается. Ты вот лучше с ним поговори; он, правда, человек любопытный: не глуп и умеет смотреть.

Липа (*испытующе глядит на Савву*). Я его хорошо знаю. Очень хорошо!

Кондратий. К прискорбью моему, должен сказать, что это правда: имею печальную известность, как человек невоздержного образа поведения. За это качество был из волостных писарей изгнан, за это же ка-

чество и ныне по неделям на хлебе да на воде сижу, ибо не умею действовать сокровенно, а наоборот – явно и даже громогласно. Вот и с вами мы, Савва Егорович, при таких обстоятельствах познакомились, что даже вспомнить нехорошо.

Савва. А вы и не вспоминайте.

Кондратий (*Липе*). В луже я лежал во всем моем великолепии, свинья свиньей...

Липа (*брезгливо*). Хорошо!

Кондратий. Но только я не стыжусь об этом говорить, потому что, во-первых, многие это видели, но никто, конечно, не потрудился поднять, кроме Саввы Егоровича. А во-вторых, я усматриваю в этом мой крест.

Липа. Хорош крест!

Кондратий. У всякого человека, Олимпиада Егоровна, свой крест. В луже-то тоже не ахти как приятно лежать, – на сухом-то всякому приятнее. И почему вы знаете? Может, я эту лужу наполовину слезами моими наполнил, воплями моими скорбными всколыхнул?

Савва. Это не совсем верно, отец **Кондратий**. Вы пели «Во Иордане крещахуся», и притом на очень веселый мотив.

Кондратий. Разве? Что же, тем хуже. До чего, значит, дошел человек?

Савва. Только вы, отец, напрасно напускаете на се-

бя меланхолию. Душа у вас веселая, и грусть эта совсем вам не к лицу, поверьте.

Кондратий. Прежде была веселая, это верно вы говорите, Савва Егорович, до поры до времени, пока в монастырь не поступил. А как поступил – вместо радости и успокоения узнал я самую настоящую скорбь. Да, убил бобра, можно сказать.

Входит Тюха, останавливается у притолоки и влюбленными глазами смотрит на послушника.

Савва. Что же так?

Кондратий (*подходя ближе, вполголоса*). У нас, Савва Егорович, Бога нет, у нас дьявол. У нас страшно жить, поверьте, Савва Егорович, моему честному слову. Я человек бывалый, испугать меня не легко, но, однако, ночью по коридору ходить боюсь.

Савва. Какой дьявол?

Кондратий. Обыкновенный. К вам, к людям образованным, он, конечно, является под благородными фасонами, а к нам, которые попроще и поглупее, в своем естественном виде.

Савва. С рогами?

Кондратий. Как вам сказать? Рог я не видал, да и не в рогах суть дела, хотя должен сказать, что на тени и рога отпечатываются весьма явственно. Дело в

том, что нет у нас тишины, а этакий беспокойный шум. Снаружи ночью посмотреть – покой, а внутри: стон и скрежет зубовой. Какие хрипят, какие стонут, какие так, непонятно на что жалуются: идешь мимо дверей, а за каждую дверь словно душа живая со светом прощается. И вдруг прошмыгнет что-то и за угол, а на стенке вдруг тень. Ничего нет, а на стенке тень. В других местах что такое тень? – так, пустяки, явление, не стоящее внимания, а у нас они, Савва Егорович, живут, чуть что не разговаривают. Ей-Богу! Коридор у нас, знаете ли, есть такой длинный-длинный, до бесконечности. Вступишь в него – ничего, этак черненькое что-то перед ногами мотается, вроде тоже как бы человек, а потом все больше, да шире, да по потолку, знаете, пошло, да уже тебя сзади-то, сзади! Идти идешь, а уж чувствовать-то – ничего уж и не чувствуешь.

Савва (Тюхе). Ты что глаза таращишь?

Тюха. Какая рожа.

Кондратий. И Бог у нас сил не имеет. Конечно, есть у нас мощи и икона чудотворная, но только все это никакого, извините, действия не оказывает.

Липа. Что вы говорите?

Кондратий. Никакого-с. Мне не верите, так других иноков спросите, то же скажут. Молимся мы, молимся, лбами бьем, бьем – а хоть бы тебе что. Уж ни о

чем другом, а чтобы вот хоть силу-то нечистую отогнало, так нет, не может! Стоит себе образ и стоит, как будто и не его это дело, а как ночь, так и пошло шмыгать по всему монастырю да за углами подкарауливать... Отец игумен говорит: малодушие, стыдитесь, — но только по какой причине нет действия? Говорят у нас...

Липа. Ну?

Кондратий. Да только трудно очень поверить, как же это так? Говорят, будто дьявол-то настоящий образ, который есть действительно чудотворный, давно уже украл, а на место его свой портрет повесил.

Липа. Господи! Какое кощунство! Как же вам не стыдно верить таким мерзостям? А еще рясу носите... Вам, правда, только в луже лежать...

Савва. Ну-ну, не сердись. Это она нарочно, отец Кондратий, она добрая. А отчего бы вам и вправду из монастыря не уйти? Что за охота с тенями да с дьяволами возиться?

Кондратий *(пожимая плечами)*. Да и ушел бы, да куда приткнуться? От дела я отбился давно, а тут, по крайней мере, заботы о куске хлеба не имеешь. Да и против дьявола... *(осторожно подмигивает Савве на Липу, отвернувшуюся к окну, и щелкает себе по горлу)* есть у меня средство.

Савва. Ну-ну, пойдём, поговорим. Ты, рожа, при-

шлешь нам водки? Как, решил или нет?

Тюха (*хмуро*). Он неверно говорит. Дьявола тоже нет. Этого не может быть, чтобы дьявол свой портрет повесил, когда дьявола нет. Пусть он лучше у меня спросит.

Савва. Ладно, потом поговоришь. Пришли водки.

Тюха (*уходит*). И водки не пришлю.

Савва. Вот дурень! Вы, отец, вот что: ступайте-ка пока в сад, вот в ту дверь, знаете, а я сейчас приду. Не заблудитесь? (*Уходит следом за Тюхой.*)

Кондратий. До свидания, Олимпиада Егоровна.

Липа не отвечает. Когда Кондратий выходит, она несколько раз взволнованно проходит по комнате и ждет Савву.

Савва (*входит с бутылкой водки и связкой бубликов*). Ну вот... Какой дурень!

Липа (*загораживает ему дорогу*). Я знаю, зачем ты пришел сюда. Я знаю. Ты не смеешь.

Савва. Что еще?

Липа. Я слушала тебя и думала, что это одни слова, что это так, но теперь... Опомнись, подумай!.. Ты с ума сошел. Что ты хочешь делать?

Савва. Пусти!

Липа. И я слушала его, смеялась... Господи! Я точ-

но проснулась от страшного сна... Или все это сон? Зачем здесь был монах? Зачем? Зачем ты говорил про бомбы?

Савва. Ну, довольно, поговорила и достаточно. Пусти!

Липа. Да пойми же, что ты сошел с ума... понимаешь, сошел с ума!

Савва. Надоело. Пусти!

Липа. Савва, ну миленький, ну голубчик... А, так... Хорошо же, не слушаешь, хорошо же. Ты увидишь,

Савва. Увидишь. Найдутся люди. Тебя связать надо! Господи, что же это! Да постой же! Постой!

Савва *(идя)*. Хорошо, хорошо.

Липа *(кричит)*. Я донесу на тебя. Убийца! Анархист! Я донесу на тебя!

Савва *(поворачиваясь)*. Ого! Знаешь, будь поосторожнее. *(Кладет ей руку на плечо и смотрит в глаза.)* Будь поосторожнее, говорю!

Липа. Ты... *(Секунды три борьбы двух пар глаз, и Липа отворачивается, закусив губы.)* Я не боюсь тебя.

Савва. Вот так-то лучше. А то кричать. Кричать никогда не надо. *(Уходит.)*

Липа *(одна)*. Что же это? Что же делать... Да?

Кудахчут куры.

Егор Иванович (во дворе). Что тут делается, а? На полчаса ушел, а уже какой беспорядок. Польшка, ты что это цыплят в малинник выпустила? Ступай, анафема, загони. Тебе говорю! А вот же я тебе пойду! Я тебе пойду! Я тебе...

Занавес

Действие второе

Внутри монастырской ограды. В глубине сцены и с левой стороны – монастырские здания, трапезная, кельи монахов, часть церкви и башня с проходными арчатыми под ней воротами. В различных направлениях двор пересекают деревянные мостки. Правая сторона сцены: слегка выдавшийся угол стенной башни и приютившееся возле стены небольшое монастырское кладбище, обнесенное легкой железной решеткой. Мраморные памятники, каменные и железные плиты, сильно вдавшиеся в землю; все старое, покосившееся, – здесь уже давно никого не хоронят. Шиповник, два-три небольших дерева.

Время к вечеру после всенощной; от башни, от стены длинные тени.

Здания и башни залиты красноватым светом заходящего солнца. По мосткам проходят монахи, послушники, богомольцы. В начале действия слышно, как за стеной гонят деревенское стадо: хлопает пастуший кнут, блеяние овец, мычание коров, глухие крики. К концу действия сильно темнеет, и движение по двору прекращается. На лавочке у железной решетки кладбища сидят Савва, Сперан-

ский и молодой послушник. Сперанский держит шляпу на коленях и изредка приглаживает длинные прямые волосы, висящие двумя унылыми прядями вдоль длинного бледного лица; ноги держит вместе, говорит тихо, грустно, жестикулирует одним вытянутым указательным пальцем. Послушник, молодой, круглолицый, крепкий, не слушает разговора и все время улыбается чему-то своему.

Савва (рассеянно глядя в сторону). Да. Чем же вы занимаетесь тут?

Сперанский. Да ничем, Савва Егорович. Разве в таком положении можно чем-нибудь заниматься? Раз человек сомневается в собственном своем существовании, так для него никакие занятия необязательны. Но дьяконица этого не понимает. Она очень глупая женщина, совершенно необразованная и, кроме того, дурного характера, и заставляет меня работать. А какая же тут работа? Или такое дело: у меня аппетит очень хороший, развился еще в семинарии, а она упрекает меня за каждый, извините, кусок хлеба. Не понимает того, необразованная женщина, что в действительности куска этого, весьма возможно, совсем не существует. Имей я настоящее бытие, как другие люди, я страдал бы весьма сильно, но в теперешнем моем положении нападки эти не уязвляют меня. Меня

все житейское не уязвляет, Савва Егорович.

Савва (*улыбаясь послушнику на его бессознательную радость, рассеянно*). И давно это с вами началось?

Сперанский. Еще с семинарии, когда мы изучали философию. Тяжелое это состояние, Савва Егорович. Теперь я несколько привык, а вначале было прямо-таки несносно. Вешался я раз – сняли; вешался другой раз – опять-таки сняли. И из семинарии выгнали: ступай, говорят, безумный, вешаться в другое место. Как будто есть другое место, а не все одно.

Послушник. Савва Егорович, поедемте завтра рыбу ловить на мельницу.

Савва. Я не люблю рыбу удить: скучное занятие.

Послушник. Жалко. Ну так поедемте же в лес, сухие ветки сбивать. Очень весело: ходишь и палкой сбиваешь, а потом как закричишь: го-го-го! А из оврага: го-го-го! А плавать вы любите?

Савва. Люблю. Я хорошо плаваю.

Послушник. Я тоже люблю.

Сперанский (*вздыхая*). Да. Странное положение.

Савва (*улыбаясь послушнику*). А? Ну как же вы теперь?

Сперанский. Дядя мой, отец диакон, когда брал меня к себе, так условием поставил, чтобы я больше не покушался на жизнь. Что же! Я и сказал: если мы,

говорю, действительно существуем, то больше я вешаться не буду.

Савва. А зачем вам знать, существуете вы или нет? Вон небо, посмотрите, какое красивое! Вон ласточки. Травую пахнет... хорошо! (*К послушнику.*) Хорошо, дядя?

Послушник. Савва Егорович, а вы любите муравьиные кучи разорять?

Савва. Не знаю, не пробовал. Но думаю, что интересно.

Послушник. Очень интересно. А вы любите змей пускать?

Савва. Давно уже не приходилось. А некогда очень любил.

Сперанский (*терпеливо ждущий окончания их разговора*). Ласточки! Ну и летают они: что же мне от этого? А может быть, и ласточек этих нет и все это только сонная греза.

Савва. Что же, и сны бывают хорошие.

Сперанский. А мне вот все проснуться хочется – и не могу. Хожу, хожу до усталости, до изнеможения, а очнусь – и опять я здесь. Монастырь, колокольня, часы бьют. И все – как сонная греза. Закроешь глаза – и нет его. Откроешь – опять оно появится. Иной раз выйду я в поле ночью, закрою глаза, и кажется мне, что ничего уж нет. Только вдруг коростель закричит, телега

по шоссе проедет – и опять, значит, греза. Потому что, если уши заткнуты, тогда и этого не услышишь. А умру я, и все замолчит, и тогда будет правда. Одни мертвые, Савва Егорович, знают правду.

Послушник (*улыбаясь, осторожно машет руками на какую-то птицу, шепотом*). Спать пора! Спать! Слышишь!

Савва (*с неудовольствием*). Какие мертвые? Послушайте, господин хороший, у меня ум мужицкий, простой, и я этих тонкостей не понимаю. Про каких вы мертвых говорите?

Сперанский. Решительно про всяких. Оттого-то у мертвых лицо спокойное. Вы посмотрите: как бы человек перед смертью ни мучился, а умрет – лицо у него сейчас же становится спокойное. Оттого, что правду узнал. Я сюда постоянно хожу, на все похороны, и это даже удивительно. Одну бабу тут хоронили – с горя умерла: мужа у нее на чугунке задавило. Что у нее в голове должно было перед смертью совершаться, подумать страшно, – а лежит такая спокойная: потому что узнала она, что горе ее – одна греза, видение сонное. Я мертвых люблю, Савва Егорович. Мне кажется, что мертвые действительно существуют.

Савва. Я не люблю мертвых... (*Нетерпеливо*.) Послушайте, однако, вы пренеприятный господин. Вы – как дверь, которая покорибилась от дождя и сквозь

которую вечно дует. Вам это говорили?

Сперанский. Да. Высказывали.

Савва. И я не стал бы вас из петли вынимать. Какой дурак вас вынул? Товарищи?

Сперанский. Первый раз отец экономя, а в другой раз – товарищи. Очень жаль, Савва Егорович, что вы так мною недовольны. А я хотел было вам, как человеку образованному, показать некий мой письменный труд, еще от семинарии оставшийся. Называется: «Шаги смерти», так, вроде рассказа.

Савва. Нет, уж избавьте. Да и вообще...

Послушник (*поднимаясь*). Отец Кирилл идет, надо удирать!

Савва. А что?

Послушник. Он меня в лесу поймал, как я «го-го» кричал. Ах, ты, говорит, леший, лесной дух, козлоногий... Завтра после обеда, ладно? (*Уходит, сперва идет прямо, потом каким-то танцующим шагом.*)

Толстый монах. О чем беседуете, молодые люди? Вы никак будете сынок Тропинина, Егора Ивановича?

Савва. Да, он самый.

Толстый монах. Слышал, слышал. Почтенный человек – ваш батюшка. Присесть позволите? (*Садится.*) Вечер, а как жарко: не быть бы грозе к полуночи. Ну как, молодой человек, нравится вам у нас? Как против столиц?

Савва. Монастырь богатый.

Толстый монах. Да, благодарение Господу. В большом почете во всей, можно сказать, России. Есть многие, что даже из Сибири приходят. Далеко идет слава. Вот скоро праздник...

Сперанский. Утомительно будет вам, батюшка. День и ночь служение...

Толстый монах. Нужно потрудиться для монастыря.

Савва. А не для людей?

Толстый монах. Да и для людей, а то для кого же? У нас в прошлый год сколько одних кликуш исцелилось – конца-краю нет. Слепой прозрел, двое хромых заходили... Вот сами поглядите, молодой человек, тогда улыбаться не будете. Вы, как я слыхал, неверующий?

Савва. Верно слыхали, неверующий.

Толстый монах. Ай-ай, стыдно, стыдно! Конечно, много теперь неверующих из образованного класса, только лучше ли им от этого? Сомневаюсь.

Савва. Нет, не так много. Это они в церковь не ходят и думают про себя, что неверующие, но вера у них, пожалуй, глубже сидит, чем у вас.

Толстый монах. Скажите пожалуйста!

Савва. Ну да, под благородными, конечно, фасонами. Народ образованный.

Толстый монах. Конечно, конечно. Только с верою спокойнее.

Савва. Слыхал я, что дьявол тут по ночам монахов душит?

Толстый монах. *(смеется).* Пустяки какие!.. *(К проходящему мимо седому монаху).* Отец Виссарион, пожалуйте-ка сюда! Присаживайтесь. Вот сынок Егор Ивановича утверждает, что нас дьявол по ночам душит. Не слыхали?

Оба монаха благодушно смеются, глядя друг на друга.

Седой монах. Это некоторые от сытости плохо спят, вот им и кажется, что их душат. Дьяволу, молодой человек, в нашу святую обитель не войти.

Савва. А вдруг да явится? Что тогда, отцы, скажете?

Толстый монах. А мы его кропилом, кропилом! Куда лезешь, черномазый?

Монахи смеются.

Седой монах. Царь Ирод идет.

Толстый монах. Погодите минутку, отец Виссарион. Вот вы говорите – вера и прочее такое, а позволъ-

те, я вам человечка одного представлю. Вон он как идет, а на нем вериг на полтора пуда. Танцует, а не идет. Каждое лето у нас гостует, да и то сказать, – гость дорогой. Глядя на него, и другие в вере укрепляются... Ирод, а Ирод?

Царь Ирод. Чего тебе надо?

Толстый монах. Подь-ка сюда на минутку. Вот господин в Боге сомневается, поговори-ка с ним.

Царь Ирод. А ты сам что же, толстопузый, язык от пива не ворочается?

Толстый монах. Еретик! Экий еретик!

Смеются оба.

Царь Ирод (*подходя*). Который господин?

Толстый монах. Вот этот.

Царь Ирод (*смотрит внимательно*). Сомневается, так и пусть сомневается; мне-то какое дело?

Савва. Вот как!

Царь Ирод. А ты думал, как?

Толстый монах. Ты бы сел.

Царь Ирод. И так постою.

Толстый монах. (*Савве громким шепотом*). Это он для усталости. Пока не сомлеет совсем, так ни есть, ни спать не может. (*Громко.*) Вот господин удивляется, какие на тебе вериги.

Царь Ирод. Вериги что, – побрякушки. Их на лошадь надень, и лошадь понесет, сила бы у ее была... Душа у меня мрачна. (*Смотрит на Савву.*) Ты знаешь, сына я своего убил. Сам. Говорили небось сороки-то эти?

Савва. Говорили.

Царь Ирод. Ты можешь это понять?

Савва. Отчего же? Могу.

Царь Ирод. Врешь ты, не можешь. И никто этого понять не может. Обойди ты весь свет, всю землю, всех людей опроси, и никто не может понять. А если кто и говорит, что понимает, так врет, как ты. Ты и своего носа-то как следует не видишь, а тоже говоришь. Глуп ты еще.

Савва. А ты умен?

Царь Ирод. А я умен. Меня мое горе просветило. Велико мое горе, больше его на земле нету. Сына убил, сам, своими руками. Не этой, что глядишь, а той, которой нет.

Савва. А та где же?

Царь Ирод. В печке сжег. Положил в печку да по локоть и отжег.

Савва. Что же, полегчало?

Царь Ирод. Нет. Моего горя огонь не берет, мое горе горячее огня.

Савва. Огонь, дядя, все берет.

Царь Ирод. Нет, парень, он слаб, огонь. Плюнул на него, а он и погас.

Савва. Какой огонь! Можно, дядя, такой запалить, что хоть ты море на него вылей, так и то не погасишь.

Царь Ирод. Нет, парень, всякий огонь тухнет, когда время на то приходит. А моего горя ничем ты не угасишь. Велико мое горе, так велико, что как посмотрю я вокруг: ах, мать твою, – да куда же большое все подевалось: дерево маленькое, дом маленький, гора маленькая. Будто это, знаешь, не земля, а маковая росинка. Идешь так-то да все опасаясь: как бы ко краю не прийти да не свалиться.

Толстый монах *(с удовольствием)*. Ну-ну, царь Ирод, здорово!

Царь Ирод. Для меня, парень, и солнце не восходит. Для других восходит, а для меня нет. Другие днем темноты не видят, а я вижу. Она промеж свету, как пыль. Сперва взглянешь, как будто и светло, а потом, глядь, Господи! – небеса черные, земля черная, и все, как сажа. Маячит что-то, а что – даже не разберешь: человек ли, куст ли. Тоска моя, тоска моя великая... *(Задумывается.)* Кричать стану – кто услышит? Выть начну – кто отзовется?

Толстый монах *(седому тихо)*. Собаки на деревне отзовутся.

Царь Ирод *(встряхнув головой)*. Эх, вы, люди! Вот

смотрите вы на меня как на пугало. Волосы, да вериги, да сына убил, да царь Ирод, – а души моей вы не видите и тоски моей не знаете. Слепы вы все, как черви земляные. Вас оглоблей по затылку бить, так и то не поймете! Ты, толстопузый, что брюхо колыхаешь?

Савва. Однако, как он вас!

Толстый монах. *(успокоительно)*. Это ничего. Не в этом суть дела. Он всех нас поносит.

Царь Ирод. И буду поносить! Тебе такому разве Богу служить? В кабаке тебе сидеть, дьявола тешить. С его пуза, парень, черти по ночам на салазках катаются.

Толстый монах. *(благодушно)*. Ну, ну. Господь с тобой. Ты о деле лучше говори.

Царь Ирод *(Савве)*. Видишь! Это он на моем горе нажить хочет.

Наживайся, наживайся!

Седой монах. Экий ты ругатель, царь Ирод, откуда слова у тебя берутся? Это как-то он при отце игумене ляпнул: кабы Бог не бессмертен был, так они бы Его давно по кусочкам распродали. Но, однако же, терпим, так как для обители он человек не вредный.

Толстый монах. Народ собирает. Сюда для него многие приходят. А нам что: Господь видит нашу чистоту. Верно, царь Ирод?

Царь Ирод. Ну, ты там молчи, старый хрен. Ногами

еле двигает, черт в таратайке переехал, а на селе трех баб содержит. Одной ему мало!

Монахи добродушно хохочут.

Царь Ирод. Видишь? Видишь? У-у, глаза ваши бесстыжие! Хоть ты им плюй!..

Савва. Зачем же сюда ходишь?

Царь Ирод. Не для них хожу. Слушай, молодец, горе у тебя есть?

Савва. Может, и есть. А что?

Царь Ирод. Ну, так послушай ты меня: будет у тебя горе, не ходи ты к людям. Будь друг, не ходи. Невмоготу станет – лучше к волкам в лес пойди. Сожрут сразу, и баста, а эти... Видел я, парень, много плохого, а хуже человека ничего не видал. Нет! Говорят тоже: по образу, по подобию созданы. Ах, сукины дети, сукины дети! Да разве есть у вас образ? Да будь образ самый махонький, так вы бы от стыда от одного на карачках поползли, сукины дети! Хоть ты им смейся, хоть ты им плачь, хоть ты им кричи, – ничего, облизываются. Царь Ирод... Сукины дети!.. А когда царь Ирод, не я, а настоящий, в золотой короне, младенцев ваших избивал, вы где были, а?

Толстый монах. Нас тогда, миленький, и на свете не было.

Царь Ирод. Не вы были, так другие, такие же! Избил и избил – и больше ничего. Многих я, парень, расспрашивал: ну, как, что? – Да ничего, говорят, избил и избил. Хороши? За детей своих и за тех постоять не умеют, – хуже собак, анафемы!

Толстый монах. А ты-то что же бы сделал?

Царь Ирод. Я? Голову бы ему оторвал, со всей его золотой короной, мать его!..

Седой монах. В Писании сказано: Божие Богови, а кесарево кесарю.

Толстый монах. В чужое, значит, дело не мешайся. Понял?

Царь Ирод (*с отчаянием Савве*). Нет, ты послушай! Ты послушай, что они говорят!

Савва. Слыхал.

Царь Ирод. Ну погодите же, голубчики, погодите! Дождетесь скоро. Вот придет дьявол, он вам пропишет геенну огненную. Жир-то потечет – слышишь, монах, шпаленным пахнет?

Толстый монах. Это, милый, из трапезной.

Царь Ирод. Только пятки засверкают, да некуда: везде геенна, везде огонь! Ага, голубчики, голоса моего слушать не хотели, так теперь огонька послушайтесь! Ну и рад же я буду! Вериги сыму, ловить их буду и к дьяволу по одному предъявлять: вот он, бери! А он-то плачет, а он-то изгиляется: да не виноват же

ля! – Не виноват? А кто же виноват, а? Да в геенну его: гори, сукин сын, до второго пришествия!

Седой монах. А не время ли нам, отец Кирилл?

Толстый монах. Что же, тронемся, отец Виссарион. Стемнело, пора и на покой.

Царь Ирод. Ага! Правды-то не любите?

Толстый монах. *(благодарно)*. И-и, миленький, брань на ворота не виснет. Ты поругаешься, а мы послушаем, а там Господь разберет, кого надо в геенну, а кого куда. Кроткие-то, голубчик, наследуют землю, сказано в Писании. До приятного свидания, молодые люди.

Седой монах *(сердито)*. А все-таки я тебе, старик, посоветую: говори, да не заговаривайся. Не по чему другому, как только по убожеству твоему терпим тебя, да по глупости твоей. А в случае чего, разболтаешься очень, так можно и попридержать. Да!

Царь Ирод. Попробуй, попробуй, придержи!

Толстый монах. И охота вам, отец Виссарион! Пусть себе поговорит, вреда от этого никому нет. Послушайте, послушайте, молодые люди, – человек любопытный. До свиданья!

Уходят; слышно, как толстый монах хохочет.

Царь Ирод *(Савве)*. Хороши? Терпения моего с ни-

ми нету.

Савва. А ты мне, дядя, нравишься.

Царь Ирод. Ой ли? Тоже не любишь ихнего брата?

Савва. Не люблю.

Царь Ирод. Ну-ка, дай-кась, я присяду. Ноги отекали. Папироски у тебя нет?

Савва (дает). Куришь?

Царь Ирод. Когда как. Ты мне прости, что я тебя обругал давеча. Ты – парень ничего, душевный. Только зачем врешь, что понял: никто понять не может. А это кто с тобой?

Савва. Так. Пристал.

Царь Ирод. Что, парень, обмок, а? Не сладко на душе?

Сперанский. Да, грустно.

Царь Ирод. Ну молчи, молчи. Слушать не желаю. Есть горе – и молчи. Я тоже, брат, человек, не пойму да еще обижу. *(Бросает папиросу и встает.)* Нет, не могу. Пока стою или хожу, ничего, а как сел... У-ух ты... *(Мается.)* Просто, брат, продохнуть нельзя. Какая ведь вещь... Господи, видишь ли? А? Ну-ну, ничего, ничего... Обошлось. У-ах!

Небо заволкло облаками, сильно темнеет. Изредка безмолвно вспыхивают зарницы.

Савва (*тихо*). Горе, дядя, удушить надо. Сказать себе твердо: не хочу горя, и не будет горя. Человек ты, я вижу, хороший, сильный...

Царь Ирод. Нет, парень, моего горя и смерть не возьмет. Что смерть! Она маленькая, а горе мое большое, не кончит она моего горя. Вот Каин когда еще помер, а горе его как было, так и осталось.

Сперанский. У мертвых горя нет, они спокойны. Они правду знают.

Царь Ирод. Да никому не скажут... что толку от этой правды? Я вот живой, а правду знаю. Вот горе мое, видишь, какое, – на земле такого не бывает, а призови меня Бог и скажи: «На тебе, Еремей, все царства земные, а горе твое отдай Мне»... – не отдам. Не отдам, парень. Слаще оно мне меду липового, крепче оно браги хмельной... Правду я узнал через мое горе.

Савва. Бога?

Царь Ирод. Христа, вот кого. Он только один понять может, какое у меня горе. Смотрит и понимает: «Да, вижу Я, Еремей, какое у тебя страдание». И больше ничего. «Вижу». – А я Ему отвечаю: «Да, смотри, Господи, какая у меня тоска». Только и всего, и ничего больше не надо.

Савва. Тебе дорого, что Он за людей пострадал? Так, что ли?

Царь Ирод. Это что распинали-то Его? Нет, брат,

это пустое страдание. Распяли и распяли, только и всего, – а то, что тут Он сам правду узнал. Пока ходил Он по земле, был Он человек так себе, хороший, думал то да се, то да се. Вот человеки, вот поговорю, да вот научу, да устрою. Ну, а как эти самые человеки потащили его на крест, да кнутьями Его, тут он и прозрел: «Ага, говорит, так вот оно какое дело». И взмолился: «Не могу Я такого страдания вынести. Думал Я, что просто это будет распятие, а это что же такое»... А Отец Ему: «Ничего, ничего, потерпи, Сыннок, узнай правду-то, какова она». Вот тут Он и затосковал, да... да до сих пор и тоскует.

Савва. Тоскует?

Царь Ирод. Тоскует, парень.

Пауза; зарница.

Сперанский. Весьма возможно, что будет дождь, а я без калош и без зонтика.

Царь Ирод. И всегда передо мной лик Его чистый, куда ни повернешь. – «Понимаешь, Господи, страдание мое?» – «Понимаю, Еремей. Я, брат, все понимаю; иди себе спокойно». И весь я перед Ним, как сосуд хрустальный со слезою. – «Понимаешь, Господи?» – «Понимаю, Еремей». – «Ну то-то, и я Тебя понимаю». Так мы с Ним вдвоем и живем: Он да я. Мне

тоже Его жалко, паренек. А помирать стану, передам Ему тоску мою: владай, Господи!

Савва. А все-таки на людей ты напрасно так наседаешь. Есть и хорошие; очень мало, но есть. Иначе бы, дядя, и жить не стоило.

Сперанский. Да и Христос, насколько известно, заповедал: люби ближнего, как самого себя.

Царь Ирод. Чудачок! Да сам же я себе руку отжег, не пожалел; так имею я право другому человеку по шее дать, когда случай подходящий? Как ты располагаешь?

Савва. Это верно.

Царь Ирод. Вот то-то и оно. Ты знаешь, ведь это они меня царем Иродом окрестили.

Савва. Кто?

Царь Ирод. Да люди-то твои. Нет, парень, зверя жесточе человека... Младенца я убил – так вот и выходит по-ихнему: **Царь Ирод.** Не понимают того, сукины дети, каково мне такую кличку-то носить. Ирод! И будь бы от злости, а то так...

Савва. А тебя как звать?

Царь Ирод. Да Еремей же; Еремеем меня звать. А они: Ирод, да еще Царь, чтобы ошибки не было!.. Гляди, опять монах идет, чтоб его разразило!.. Слушай, ты образ-то Его видел?

Савва. Видел.

Царь Ирод. А глаза у Его видел? Ну так посмотри, посмотри, посмотри... Зачем идешь, мышь летучая? На деревню, к бабам собрался?

Кондратий. Мир честной беседе. Здравствуйте, Савва Егорович! Какими судьбами?

Царь Ирод. Смотри, монах, из кармана чертов хвост торчит.

Кондратий. Это не чертов хвост, это редька. Глазаст, глазаст, а промаху даешь.

Царь Ирод. Тьфу! Не могу я их видеть, с души воротит. Ну, прощай, паренек... попомни, что я говорил: будет горе – не ходи к людям.

Савва. Ладно, дядя, попомню.

Царь Ирод. Лучше в лес иди к волкам.

Уходит; из темноты доносится: «Господи, видишь ли?..»

Кондратий. Ограниченный человек. Сына убил и хорохорится, никому не дает проходу. Радость какая, подумашь!

Сперанский (вздыхает). Нет, отец Кондратий, вы неправильно рассуждаете: он счастливый человек. Ведь теперь, по его настроению, воскресни его сын, так он его опять убьет, пяти минут сроку не даст. Но, конечно, умрет, – узнает правду.

Кондратий. Я и говорю: дурак. Будь бы кошку убил, а то сына. Что призадумались, Савва Егорович?

Савва. Да вот жду, скоро этот господин уйдет или нет. Черт их тут носит. Вот еще кто-то прется! (*Всматривается.*)

Липа (*подходит, нерешительно всматривается*). Это ты, Савва?

Савва. А это ты? Чего надо?

Липа. Это отец Кондратий с тобой?

Савва. Ну да, он. Чего тебе надо? Я не люблю, сестра, когда за мной ходят по пятам.

Липа. Двор проходной, сюда никому вход не запрещен... Григорий Петрович, вас Тюха спрашивает: отчего, говорит, семинарист не приходит?

Савва. Вот и ступайте вместе, этакой веселой парой. Прощайте, господин, прощайте.

Сперанский. До приятного свидания, Савва Егорович. Надеюсь еще побеседовать.

Савва. Нет, уж не надейтесь лучше. Прощайте.

Липа. Какой ты грубый, Савва! Идемте, Григорий Петрович, – у них свои дела.

Сперанский. Все же не теряю надежды. До свиданья.

Уходят.

Савва. Вот пристал, черт его побери!

Кондратий (*смеется*). Действительно неотвязный человек. Пристанет и как тень ходит. У нас многие так и зовут его: тень; отчасти, надо полагать, за худобу. Вот подождите: вы ему понравились, теперь прилипнет.

Савва. Со мной разговоры короткие: прогоню.

Кондратий. И бить его пробовали – не помогает. Он тут на двадцать верст известен. Фигура!

Пауза. Темнеет. Зарницы чаще. Безмолвно вспыхивают они в разных сторонах неба, и кажется при каждой вспышке, что кто-то заглядывает через ограду и башни во двор монастыря.

Савва. Ты зачем, Кондратий, здесь мне место назначил? Проходной двор какой-то. Облепили меня монахи да юродивые, как блохи. Говорил я: лучше в лесу, спокойнее.

Кондратий. Для избежания подозрений. Пойдем мы с вами в лес, – зачем, скажут, благочестивый Кондратий с таким связался – извините – человеком? А тут всякому место. Я нарочно и приходиться повременил: пусть вас с разными людьми повидают.

Савва (*пристально смотрит*). Ну?

Кондратий (*отводит глаза и пожимает плечами*).

Не могу.

Савва. Боишься?

Кондратий. Говоря по совести: боюсь.

Савва. Ну и дрянь же ты, брат, человек.

Кондратий. Это уж как хотите.

Пауза.

Савва. Да чего боишься-то, дурень? Машинка безопасная, тебя не тронет. Поставил, завел, а сам хоть на деревню ступай, к бабам.

Кондратий. Да я не этого.

Савва. Суда? Так сказано же тебе: в случае чего вину на себя беру. Не веришь?

Кондратий. Как не верить? Верю.

Савва. Так чего же? Неужели Бога?

Кондратий. Бога.

Савва. Да ведь ты же не в Бога, а в дьявола веришь?

Кондратий. А кто знает: а вдруг Он да и есть? Тогда тоже, Савва Егорович, благодарю покорно за одолжение. Да и из-за чего? Живу я спокойно, хорошо; конечно, как вы говорите, обман: так я же здесь при чем? Хотят верить, пусть себе и верят. Не я Бога выдумал.

Савва. Послушай, ты знаешь, что я сам бы мог это сделать. Взял да во время крестного хода бомбу и

бросил – вот тебе и все. Но тогда погибнет много народу, а это сейчас – лишнее. Поэтому я тебя и прошу. А если ты откажешься, так я все-таки сделаю, и на твоей душе будут убитые. Понял?

Кондратий. Зачем же на моей? Не я буду бросать. Да опять-таки мне-то какое дело до них, до убитых? Народу на свете много, всех не перебьете, сколько ни бросайте.

Савва. А тебе их не жалко?

Кондратий. Всех жалеть – самому не останется.

Савва. Ну вот! Ты умный человек, говорил же я тебе, а ты все не веришь. Умный, а испортить кусок дерева боишься.

Кондратий. Если это кусок дерева, так из-за чего же и вам хлопотать? – То-то, что не дерево, а образ.

Савва. Ну да. Налипло на него много, вот они его и ценят. А я не люблю того, что люди дорого ценят.

Кондратий. Как же это так «не любите»?

Савва. Так и не люблю. Когда для человека шапка дороже головы, так нужно с него и шапку и голову снять. Эх, дядя, не будь ты трус, порассказал бы я тебе!

Кондратий. Что ж, расскажите, от этого мне греха не будет. Да и не трус я, а просто осторожный человек.

Савва. Это, дядя, только начало.

Кондратий. Хорошее начало, нечего сказать. А ко-

нец какой?

Савва. Голая земля – понимаешь? Голая земля, и на ней голый человек, голый, как мать родила. Ни штанов на нем, ни орденов на нем, ни карманов у него – ничего. Ты подумай: человек без карманов – ведь это что же! Да, брат, икона – это еще ничего.

Кондратий. Я и говорю: новую сделают.

Савва. Ну, да уж не та будет. Да и не забудут они уже, что динамит сильнее ихнего Бога! А человек – сильнее динамита. Вот они кланяются, вот они молятся, вот они прямо взглянуть не смеют, холопы поганые, а пришел настоящий человек и разрушил. Готово!

Кондратий. Действительно.

Савва. И когда так будет разрушен десяток их идолов, они почувствуют, холопы, что кончилось царство ихнего Бога и наступило царство человека. И сколько их подохнет от ужаса одного, с ума будут сходить, в огонь бросаться. Антихрист, скажут, пришел... ты подумай, Кондратий!

Кондратий. А вам не жалко?

Савва. Их-то? Они мне тюрьму выстроили, а я их жалеть буду? Они голову мою в застенки посадили, а я их жалеть буду? Ха! Тебе в голову гвозди вбивали или нет? Нет. Ну, а у меня вся голова гвоздями утыкана – мастера они гвозди вгонять, пожалеть их надо?

Кондратий. Кто же вы такой, что никого не жалее-те?

Савва. Я? Я, дядя, человек, который однажды ро-дился. Родился и пошел смотреть. Увидел церкви – и каторгу. Увидел университеты – и дома терпимости. Увидел фабрики – и картинные галереи. Увидел дво-рец – и нору в навозе. Подсчитал так, понимаешь, сколько на одну галерею острогов приходится, и ре-шил: надо уничтожить все. И мы это сделаем. Да, по-ра нам посчитаться, пора!

Кондратий. Кто мы?

Савва. Я, ты, Кондратий, другие.

Кондратий. Народ глуп, не поймет он этого.

Савва. Поймет, когда загорится все кругом. Огонь, дядя, учитель хороший. Ты слышал о Рафаэле?

Кондратий. Нет, не приходилось.

Савва. Ну так вот. После Бога мы примемся за них. Там их много: Тицианы, Шекспиры, Пушкины, Тол-стые. Из всего этого мы сделаем хорошенький костер-чик и польем его керосином. Потом, дядя, мы сожжем их города!

Кондратий. Ну-ну, вы шутите! Как же это можно – города!

Савва. Нет, зачем шутить. Все города. Ведь что та-кое ихние города? Это могилы, понимаешь, каменные могилы. И если этих дураков не остановить и дать им

строиться еще, они всю землю оденут в камень, и тогда задохнутся все. Все!

Кондратий. Бедному человеку придется плохо!

Савва. Тогда все будут бедные. Богатый – отчего он богат? Оттого, что есть у него дом, деньги, забором он отгородился. А как не будет у него ни домов, ни денег, ни забора...

Кондратий. Верно! И документов, значит, нет – сгорели!

Савва. И документов нет. Иди-ка, дядя, работать, – буде дворяниться!

Кондратий *(смеется)*. Потеха! Голые это все, как из бани!

Савва. Ты мужик, Кондратий?

Кондратий. Подати плачу. Крестьянин я, это верно.

Савва. Я тоже мужик. Нам, брат, с тобой хуже не станет.

Кондратий. Да уж куда хуже! Но только много народу пропадет, Савва Егорович!

Савва. Ничего, довольно останется. Дрянь, дядя, пропадет. Глупые пропадут, для которых эта жизнь, как скорлупа для рака! Пропадут те, кто верит, – у них отнимется вера. Пропадут те, кто любит старое, – у них все отнимется. Пропадут слабые, больные, любящие покой: покоя, дядя, не будет на земле. Останутся только свободные и смелые, с молодой жадной ду-

шой, с ясными глазами, которые обнимают мир.

Кондратий. Как у вас... Я ваших глаз, Савва Егорович, боюсь, особенно в темноте.

Савва. Как у меня? Нет, Кондратий, я человек отравленный, – от меня ихнею мертвечиною пахнет. Будут люди лучше, свободнее, веселее. И, свободные от всего, голые, вооруженные только разумом своим, они сговорятся и устроят новую жизнь, хорошую жизнь, Кондратий, где можно будет дышать человеку.

Кондратий. Любопытно. Только позвольте сказать вам, Савва Егорович... народ – он хитрый, припрячет что-нибудь или как. А потом, глядь, на старое и повернули, по-старому, значит, как было. Тогда как?

Савва. По-старому. *(Мрачно.)* Тогда совсем надо его уничтожить. Пусть на земле совсем не будет человека. Раз жизнь ему не удалась, пусть уйдет и даст место другим, – и это будет благородно, и тогда можно будет и пожалеть его, великого осквернителя и страдальца земли!..

Кондратий *(качая головой)*. Однако!

Савва *(кладя ему руку на плечо)*. Поверь мне, монах, я исходил много городов и земель, и нигде я не видел свободного человека. Я видел только рабов. Я видел клетки, в которых они живут, постели, на которых они рождаются и умирают; я видел их вражду и любовь, грех и добродетель. И забавы их я видел: жал-

кие попытки воскресить умершее веселье. И на всем, что я видел, лежит печать глупости и безумия. Родившийся умным – глупеет среди них; родившийся веселым – вешается от тоски и высовывает им язык. Среди цветов прекрасной земли, – ты еще не знаешь, монах, как она прекрасна! – они устроили сумасшедший дом. А что они делают со своими детьми! Я еще не видел ни одной пары родителей, которые не были бы достойны смертной казни: во-первых, – что родили; а во-вторых, – что, родившись, тотчас не умерли сами.

Кондратий. Ого, как вы говорите!

Савва. И как они лгут, как они лгут, монах! Они не убивают правды, нет, они ежедневно секут ее, они обмазывают своими нечистотами ее чистое лицо, – чтобы никто не узнал ее! – чтобы дети ее не любили! – чтобы не было ей приюта! И на всей земле – на всей земле, монах, нет места для правды.

Задумывается. Пауза.

Кондратий. А нельзя как-нибудь иначе, без огня? Очень страшно, Савва Егорович. Что же это такое будет! Светопреставление.

Савва. Нельзя, дядя, иначе: светопреставление и нужно. Лечили их лекарством – не помогло; лечили их железом – не помогло. Огнем их теперь надо – огнем!

Пауза. Сверкают безмолвно зарницы. Где-то далеко колотит сторож в железную доску. Савва неподвижно-широко смотрит на зарницу: он окован громадной думою о жизни, мыслями без слов, чувством без выражения. Видит свое одиночество и близкую смерть.

Кондратий. И кабаков не будет?

Савва (думая). Ничего не будет.

Кондратий. Кабаки построят. Без кабаков не обойдутся.

Продолжительное молчание.

Кондратий. Да-а... О чем задумались, Савва Егорович? (Савва молчит. Кондратий прикасается к его плечу.) На вас бабочка села.

Савва. Что?

Кондратий. Бабочка села. Мертвая голова называемая – по ночам летает. Да что вы?

Савва (вздвoгнув, громко). Оставь.

Кондратий. Испугал я вас?

Савва. Что? (Очнувшись, удивленно.) Какие зарницы! Ты что говоришь? Да, да. Ничего, брат, все устроится... (Вздвoгнув, весело.) Ну как же – начнем? Согла-

сен? Да ну, дядя, будет упрямиться!

Кондратий (*покачивая головой*). Загадали вы мне загадку.

Савва. Ничего, дядя, не робей. Ты человек умный, сам понимаешь, что нельзя иначе. Кабы можно иначе, разве стал бы я сам, пойми!

Кондратий (*густо вздыхает*). Да-а... Эх, Савва Егорович, ангел вы мой неоцененный, разве я этого не понимаю? Жизнь проклятущая! Эх, Савва Егорович, Савва Егорович! Вот скажи я вам, кому хочешь скажи: я человек хороший, – засмеют, по затылку дадут: «что брешешь, пьяница!..» Кондратий – хороший человек... самому даже смешно, а я, ей-Богу, хороший. Так, не знаю, как это вышло. Жил-жил – и вдруг! Как это, по какой причине – неизвестно.

Савва. А ты вот все боишься!

Кондратий. Кто я теперь такой: ни Богу свеча, ни черту кочерга. Как оглянешься иной раз да подумаешь... Эх, Савва Егорович, разве у меня совести нет? Разве я не понимаю? Все я понимаю, но только... Я и дьявола не то вправду боюсь, не то так: дурака ломаю. Эка штука – дьявол! Побыл бы на нашем месте, так узнал бы кузькину мать. Недавно это, пьяный, кричу я: выходи, дьявол, на левую руку, я человек отчаянный! Мне ничего не жалко: пропадать, так пропадать... Эх, разжалобили вы меня, Савва Егорович!

(Утирает рукавом глаза.)

Савва. Зачем пропадать? И я пропадать не хочу. Еще проживем, дядя! Тебе сколько лет?

Кондратий. Сорок два.

Савва. Ну вот, самые года. Деньги тебе нужны?

Кондратий. А они у вас есть?

Савва. Есть!

Кондратий *(подозрительно)*. Откуда же это они у вас?

Савва. А тебе-то что? Может быть, я убил богато-го купца или кого-нибудь зарезал. Доносить ведь не пойдешь?

Кондратий *(успокаиваясь)*. Что вы, Савва Егорович, это дело ваше. А деньги, конечно, никогда не лишнее. Я тогда из монастыря уйду. У меня, скажу вам по совести, давно уже одно мечтаньице есть: сесть при дороге и трактир открыть. Компанию я люблю, и сам я разговорчивый человек; у меня дело пойдет. Трактирщик если и сам выпивает, так это не беда: народу приятнее; у веселого трактирщика и штаны оставишь – не заметишь. По себе знаю.

Савва. Что же, можно и трактир.

Кондратий. И кроме того, человек я еще в полном соку. Чем тут грешить, лучше же я законным браком...

Савва. В посаженные отцы, не забудь, позови.

Кондратий. Молоды еще! А деньги, Савва Егоро-

вич, когда – раньше или потом?

Савва. Иуда раньше получил.

Кондратий (*огорченно*), Ну вот! То сами подговариваете, а то – Иуда. Разве приятно такие слова слышать? Живого человека Иудой называете!

Савва. Иуда был дурак. Он удавился, а ты трактир откроешь.

Кондратий. Опять! Если вы так обо мне думаете...

Савва (*хлопая по плечу*), Ну-ну, дядя... Разве не видишь, что я шучу? Иуда человека продал, а ты что – вроде как бы дровами торгуешь. Верно, дядя!

Показываются Сперанский и Тюха. Последний заметно покачивается.

Кондратий. Вот еще нелегкая несет. Тут такой разговор пошел...

Савва. Так как же, по рукам?

Кондратий. Что же с вами поделаешь!

Сперанский (*кланяется*). Еще раз здравствуйте, Савва Егорович. А мы с Антоном Егоровичем были на том конце, на кладбище. Бабу нынче одну схоронили, так посмотреть...

Савва. Не вылезла ли? А его зачем с собой таскаете? Тюха, иди спать, на ногах не держишься.

Тюха. Не пойду.

Сперанский. Антон Егорович сегодня в беспокойстве. Им все рожи представляются.

Савва. Да ведь смешные же?

Тюха. Ну да, смешные, а то какие же? *(Мрачно.)* У тебя, Савка, очень, очень смешная рожа!

Савва. Ну ладно, иди. Отведите его, нечего таскать.

Сперанский. До приятного свидания! Пойдемте, Антон Егорович.

Уходят. Тюха идет, озираясь на Савву и спотыкаясь. Пропадают в темноте.

Кондратий. И нам пора. А деньги у вас как, свободные?

Савва. Свободные. Так слушай. Праздник в воскресенье. В субботу утром ты возьмешь, значит, машинку и вечером поставишь, за полчаса до двенадцати. Через четыре дня. Я тебе покажу, как заводить и все. Четыре дня еще. Надоело мне тут у вас, **Кондратий.**

Кондратий. А если я того... обману?

Савва *(тяжело)*. Убью.

Кондратий. Ну вот!

Савва. Теперь если и откажешься, все равно убью. Много, брат, знаешь.

Кондратий. Шутите!

Савва. Что же, может, и шучу. Я, брат, человек веселый. Люблю посмеяться.

Кондратий. Попервоначально вы веселый были. А что, Савва Егорович (*оглядывается*), приходилось вам человека убивать живого?

Савва. Приходилось. Купца-то того зарезал-то я.

Кондратий (*машет рукою*). Теперь вижу, что вы шутите. Ну, прощайте, пойду. Да и вы не засиживайтесь, как бы ворота не заперли. Вот не боюсь, не боюсь, а про коридор подумаешь, так страшно. Тени там теперь. Прощайте.

Савва. Прощай.

Кондратий пропадает в темноте. Зарницы. Савва стоит, опершись на решетку, и смотрит на белые камни кладбища, вспыхивающие при блеске зарниц.

Савва (*к могилам*). Ну, как-то вы, покойнички: перевернетесь в гробах или нет? Невесело мне что-то, покойнички, невесело!

Зарницы

Занавес

Действие третье

Парадная комната; три окна на улицу, одно открыто, но занавеска спущена. Открытая темная дверь в комнату первого действия. Вечер, темно. За окнами все время, не прекращаясь, слышны шаги богомольцев, идущих на завтрашний праздник. Идут в сапогах, идут босые и в лаптях; шаги быстрые, торопливые, медленные, усталые; идут группами по двое, по трое, идут по одному. Большею частью идут молча, но изредка доносится сдержанный, невнятный говор. Глухо начинаясь где-то далеко, слева, звуки шагов и разговоров разрастаются, иногда точно наполняют комнату и пропадают вдали.

Впечатление огромного, неудержимого, стихийного движения.

*За столом, при колеблющемся свете сального огарка, сидят Сперанский и сильно пьяный **Тюха**. Бутылка водки, огурцы, селедка. В остальной комнате совсем темно; временами ветерок надувает белую занавеску в окне и колышет пламя свечи. Разговор Тюхи и Сперанского ведется шепотом. После открытия занавеса продолжительная пауза.*

Тюха (*наклоняясь к Сперанскому, таинственно*). Так ты говоришь, может, нас и нету, а?

Сперанский (*так же таинственно*). Как я уже докладывал вам: под сомнением, под большим сомнением. Весьма возможно, что в действительности мы не существуем, вовсе не существуем.

Тюха. И тебя нет и меня нет?

Сперанский. И вас нет и меня нет. Никого нет.

Пауза.

Тюха (*озираясь таинственно*). А где же мы?

Сперанский. Мы?

Тюха. Ну да, мы.

Сперанский. Неизвестно, Антон Егорович, никому не известно.

Тюха. Никому?

Сперанский. Никому.

Тюха (*оглядываясь*). А Савке?

Сперанский. И ему не известно.

Тюха. Савка все знает.

Сперанский. А этого и он не знает. Нет.

Тюха (*грозит пальцем*). Тише! Тише!

Оба оглядываются и молчат.

Тюха (*таинственно*). Куда это они идут, а?

Сперанский. На поднятие иконы. Завтра праздник, поднятие иконы.

Тюха. Нет, а по-настоящему! По-настоящему, понимаешь?

Сперанский. Понимаю. Неизвестно. Никому не известно, Антон Егорыч.

Тюха. Тише! (*Кривит весело лицо, закрывая рот рукой и озираясь.*)

Сперанский (*шепотом*). Чего вы?

Тюха. Молчи, молчи! Слушай.

Оба слушают.

Тюха (*шепотом*). Это – рожки.

Сперанский. Да?

Тюха. Это – рожки идут. Множество рож. Видишь?

Сперанский (*вглядываясь*). Нет, не вижу.

Тюха. А я вижу. Вот они, смеются. Отчего ты не смеешься, а?

Сперанский. Мне очень грустно.

Тюха. Нет, ты смеешься, все смеются. Молчи, молчи!

Пауза.

Тюха. Слушай: никого нет. Никого, понимаешь? И Бога нет, и человека нет, и зверя нет. Вот стол – и стола нет. Вот свечка – и свечки нету. Одни рожи, понимаешь? Молчи! Молчи! Я очень боюсь.

Сперанский. Чего?

Тюха (*близко наклоняясь*). Помереть со смеху.

Сперанский. Да?

Тюха (*утвердительно кивая головой*). Да. Помереть со смеху. Увижу такую рожу и начну хохотать, хохотать, хохотать и умру. Молчи, молчи, я знаю.

Сперанский. Вы никогда не смеетесь.

Тюха. Нет. Я постоянно смеюсь, только вы этого не видите. Это ничего.

Я только умереть боюсь: увижу такую рожу и начну хохотать, хохотать, хохотать. Так, подступает. (*Потирает себе грудь и горло.*)

Сперанский. Мертвые все знают.

Тюха (*таинственно, со страхом*). Я Савкиной рожи боюсь. Очень смешная, от нее можно умереть со смеху. Главное дело, остановиться нельзя, понимаешь? Будешь хохотать, хохотать, хохотать! Тут никого нет?

Сперанский. По-видимому, никого!

Тюха. Молчи, молчи, я знаю. Молчи.

Пауза. Шаги становятся громче, как будто в самой комнате.

Тюха. Идут?

Сперанский. Да, идут.

Пауза.

Тюха. Я тебя люблю. Спой-ка ты мне эту, твою... А я слушать буду.

Сперанский. Извольте, Антон Егорыч... *(Поет вполголоса, почти шепотом, протяжным и заунывным мотивом, несколько похожим на церковный.)* «Все в жизни неверно, и смерть лишь одна – верна, неизменно верна! *(С возрастающей осторожностью и наставительностью, жестикулируя одним пальцем, как будто передает тайну.)* Все кинет-минует, забудет, пройдет – она не минует, найдет! Покинутых, скорбных, последних из нас, до мошки, незримой для глаз»...

Тюха. Как?

Сперанский. «До мошки – незримой для глаз. Прижмет, приголубит и тяжкий свой брачный наденет венец, и – жизненной сказке конец». Все, Антон Егорыч.

Тюха. Молчи, молчи. Спел и молчи.

Входит Липа, отворяет окна, отодвигает цветы и смотрит на улицу. Потом зажигает лампу.

Тюха. Это кто? Ты, Липа? Липа, а Липа, куда они идут?

Липа. На праздник, ты же знаешь. Шел бы и ты спать, **Тюха.** А то увидит папаша, рассердится.

Сперанский. Много идет народу, Олимпиада Егоровна?

Липа. Да. Только темно очень, не рассмотришь. Что это вы такой бледный, Григорий Петрович? Даже неприятно смотреть.

Сперанский. Такой вид у меня, Олимпиада Егоровна.

В окно осторожно стучат.

Липа (*открывая окно*). Кто там?

Тюха (*Сперанскому*). Молчи! Молчи!

Послушник (*просовывая в окно улыбающееся лицо*). А Саввы Егорыча нет? Я же его в лес хотел позвать.

Липа. Нет. Как же это вам не стыдно, Вася! У вас такой завтра праздник, а вы...

Послушник (*улыбаясь*). Там и без меня народу много. Скажите Савве Егорычу, что я в овраг пошел,

светляков собирать. Пусть покричит: го-го!

Липа. Зачем вам светляки?

Послушник. Да монахов же пугать. Поставлю два светляка рядом, как глаза, они и думают, что это черт. Скажите же ему, пусть покричит: го-го-го! *(Исчезает в темноте.)*

Липа *(вдогонку)*. Сегодня он не может... Убежал!

Сперанский. Нынче, Олимпиада Егоровна, троих на кладбище хоронили.

Липа. Вы Саввы не видали?

Сперанский. Нет, не пришлось, к сожалению... Троих, я говорю, хоронили. Старика одного, может, знаете: Петра Хворостова?

Липа. Да, знаю. Умер?

Сперанский. Да. Его да двоих ребят. Бабы очень плакали.

Липа. Отчего они умерли?

Сперанский. Извините, не поинтересовался. Детское что-нибудь. А вы не изволили замечать, Олимпиада Егоровна, что, когда ребенок умрет, он делается весь синий? И вид у него такой, будто он хочет закричать. У взрослых лицо спокойное, а у них нет. Отчего бы это?

Липа. Не знаю. Не замечала.

Сперанский. Очень интересное явление.

Липа. Вот и папаша. Говорила, – досидишься, а те-

перь брань вашу слушать. (*Уходит.*)

Егор Иванович. Кто лампу зажег?

Сперанский. Здравствуйте, **Егор Иванович.**

Егор Иванович. Здравствуйте. Кто лампу зажег?

Сперанский. Олимпиада Егоровна зажгли.

Егор Иванович (*тушит, закрывает окна*). У Савки научилась. (*К Тюхе.*) А ты это что, а? Докуда же это будет, а? Докуда же я из-за вас, прохвостов, муку принимать буду, а? Где водку взял, а?

Тюха. В буфете.

Егор Иванович. Так это она для тебя там стоит?

Тюха. У вас, папаша, очень смешная рожа.

Егор Иванович. Давай водку!

Тюха. Не дам.

Егор Иванович. Давай!

Тюха. Не дам!

Егор Иванович (*бьет его по лицу*). Давай, говорю!

Тюха (*падая на диван, не выпуская бутылки*). Не дам!

Егор Иванович (*садится спокойно*). Ну и жри, дьявол, пока лопнешь. Да, о чем бишь я говорил? Вот дурак-то, сбил меня... Да, богомолец здорово идет. Год нынче неурожайный, так, должно быть, еще от этого: жрать нечего, так они Богу молиться. Так тебе Бог всякого дурака и послушал! Всех дураков слушать, так умному человеку нельзя будет жить. Дурак – так он

дурак и есть. Потому и дураком называется.

Сперанский. Это справедливо!

Егор Иванович. Еще бы не справедливо. Отец Парфений мудрый человек, он их облапошит. Гроб, слышишь, новый поставил. Старый-то богомольцы изгрызли, так он новый поставил. Старый, так на место старого. Сгрызут и этот, им что ни поставь... Тюха, опять пьешь?

Тюха. Пью.

Егор Иванович. Пью!.. Вот пойти да по харе тебя, а? Что тогда скажешь?

Входит Савва, очень веселый и оживленный; сутулится меньше обычного, говорит, быстро, смотрит резко и прямо, но взглядом останавливается ненадолго.

Савва. А, философы! Родитель! Почтенная компания! Почему у вас темно тут, как у дьявола под мышками? Для философов нужен свет, а в темноте хорошо только людей обирать. Где лампа? Ага, вот она! *(Зажигает.)*

Егор Иванович *(иронически)*. Может, и окна откроешь?

Савва. Верно. И окна открою. *(Открывает)*. Ого, идут-то!

Сперанский. Целая армия.

Савва. И все в свое время умрут и станут покойниками. И тогда узнают правду, ибо приходит она не иначе как в сопутствии червей. Верно я схватил суть вашей оптимистической философии, мой худой и длинный друг?

Сперанский *(со вздохом)*. Вы все шутите.

Савва. А вы все грустите! Слушайте: оттого, что дьяконица плохо кормит вас, и от грусти вы скоро умрете, и физиономия у вас тогда будет самой спокойной. Острый нос, и вокруг него разлито этакое спокойствие. Неужели вас и это не утешает? Вы подумайте: островок носа среди целого океана спокойствия.

Сперанский *(уныло)*. Вы все шутите.

Савва. И не думаю. Разве можно шутить над смертью? Нет. Когда вы умрете, я буду идти за вашим гробом и показывать: смотрите, вот человек, который узнал правду. Или нет, лучше так, я повешу вас, как знамя истины. И по мере того, как с вас станет сползать кожа и мясо, будет выступать правда. Это будет в высшей степени поучительно. Тюха, что уставился на меня?

Тюха *(мрачно)*. У тебя очень смешная рожа.

Егор Иванович *(водит глазами, недоумевая)*. Что они говорят?

Савва. Отец, что это у тебя физиономия? Запачка-

на чем-то? Черен ты, как сатана.

Егор Иванович (*хватаясь за лицо*). Где?

Сперанский. Это они шутят. Ничего нет, Егор Иванович, да ничего же!

Егор Иванович. Ну и дурак! Сатана! Сам сатана, прости Господи!

Савва (*делает страшную рожу, приставляет из пальцев рога*). Я черт.

Егор Иванович. Черт и есть!

Савва (*оглядываясь*). А не будет ли черту поужинать? Грешниками я сыт, а так, чего-нибудь повкуснее?

Егор Иванович. А ты где шатался, когда люди ужинали? Теперь и так посидишь.

Савва. С ребятами я сидел, родитель, с ребятами, – они сказки мне рассказывали. Ну и здоровы же рассказывать! И все про чертей, да про ведьм, да про покойников. По вашей специальности, философ. Рассказывают, а сами трусят, оттого и сидели так долго, – боятся домой бежать. Один Мишка молодец: ничего не боится.

Сперанский (*равнодушно*). Что ж, и он умрет.

Савва. Господин хороший! Да не будьте же вы мрачны, как центральное бюро похоронных процессов! И охота вам каркать: умрет, умрет. Вот родитель мой совсем скоро умрет, а смотрите, какое у него при-

ятное и веселое лицо.

Егор Иванович. Сатана! Совсем сатана!

Сперанский. Да если же мы не знаем...

Савва. Голубчик! Жизнь – ведь это такое интересное занятие. Понимаете, жизнь! Пойдемте завтра в ладышки играть, а? Я вам свинчатку дам – какую, батенька, свинчатку!.. *(Незаметно входит Липа.)* И потом, вам нужно заниматься гимнастикой. Серьезно, голубчик. Смотрите, какая у вас грудь; вы через год подохнете от чахотки. Дьяконица будет рада, но какой переполох поднимется среди покойников! Серьезно. Вот я занимался гимнастикой, и поглядите. *(Легко поднимает за ножку тяжелый стул.)* Вот!

Липа *(очень громко смеется).* Ха-ха-ха!

Савва *(опуская стул, несколько сконфуженно).* Чего ты? Я думал, тебя нет...

Липа. Так. Тебе бы следовало в цирк поступить акробатом.

Савва *(угрюмо).* Не говори глупостей.

Липа. Обиделся?

Савва *(вдруг смеется весело и добродушно).* Ну вот, чепуха! В цирк так в цирк. Мы вместе со Сперанским поступим. Только не акробатами, а клоунами... согласны? Вы умеете горящую паклю глотать? Нет? Ну, погодите, я и этому вас научу. А ты вот что, Липа, дай-ка мне поесть. С утра не жрал.

Егор Иванович. Сатана! Совсем сатана! Не жрал. Так кто же теперь жрет? Где это видано?

Савва. А ты вот посмотри, это очень интересно. Ты погоди, отец, я тебя тоже научу паклю глотать, – совсем молодцом будешь!

Егор Иванович. Меня? Дурак ты, больше ничего. Тюха, давай водку!

Тюха. Не дам.

Егор Иванович. Чтоб вас всех... Вскормил, взлеял... *(Уходит.)*

Липа *(подавая молоко и черный хлеб)*. Ты что-то весел сегодня?

Савва. Да, и ты весела.

Липа *(смеется)*. Я весела.

Савва. И я весел.

Пьет с жадностью молоко. На улице шаги становятся громче, наполняют звуком своим комнату и снова слегка стихают.

Савва. Как топочут!

Липа *(выглядывает в окно)*. Завтра будет хорошая погода. Сколько я ни запомню, в этот день всегда солнце.

Савва. М-да. Это хорошо.

Липа. И когда несут икону, вся она сверкает от дра-

гоценных камней, как огонь, и только лик ее темнеет. Не радуют его эти драгоценности, мрачен и темен он, как горе народное... (*Задумывается.*)

Савва (*равнодушно*). М-да? Вот как.

Липа. Когда подумаешь, сколько пало на него слез, сколько слышал он стонов и вздохов! Уже одно это делает его такую святыню – для всякого, кто любит и жалеет народ, понимает его душу. Ведь никого у них нет, кроме Христа, – у всех этих несчастных, убогих... Когда я была маленькая, я все ждала чуда...

Савва. Это было бы интересно.

Липа. Но теперь я поняла, что Сам Он ждет от людей чуда, ждет, что перестанут люди враждовать и губить друг друга.

Савва. Ну, и что же?

Липа (*сурово смотрит на него*). Ничего. Завтра сам увидишь, когда понесут Его. Увидишь, что делает с людьми одно только сознание, что Он здесь, с ними. Живут они весь год грязно, нехорошо, в ссорах и страданиях, а в этот день точно исчезает все... Страшный и радостный день, когда вдруг точно сбрасываешь с себя все лишнее и так ясно чувствуешь свою близость со всеми несчастными, какие есть, какие были, – и с Богом!

Савва (*быстро*). Который, однако, час?

Сперанский. Сейчас пробило четверть двенадцати.

того, если не ошибаюсь.

Липа. Рано еще.

Савва. Что рано?

Липа. Так. Рано, говорю, еще.

Савва (*подозрительно*). Что это ты?

Липа (*вызывающе*). А что?

Савва. Почему ты сказала: рано еще?

Липа (*бледная*). Потому что сейчас только одиннадцать. А когда будет двенадцать...

Савва (*вскакивает и быстро идет к ней. Тяжело смотрит на нее, говорит медленно, слово за словом*). Так вот что! Когда будет двенадцать... (*Поворачивает голову к Сперанскому, но продолжая глядеть на Липу.*) Послушайте вы, ступайте домой!

Липа (*с испугом*). Нет, подождите еще, Григорий Петрович. Пожалуйста, я прошу вас!

Савва. Если вы не уйдете сейчас, я выброшу вас в окно. Ну?

Сперанский. Извините, я никак не думал, я с Антон Егорычем, я сейчас. Тут где-то моя шляпа... положил я ее...

Савва. Вот ваша шляпа. (*Бросает.*)

Липа (*слабо*). Посидите еще, Григорий Петрович.

Сперанский. Нет, уже поздно. Я сейчас, сейчас. До приятного свиданья, Олимпиада Егоровна. До приятного свиданья, Савва Егорович. А они, кажется, уже

спят, их в постельку бы надо. Иду, иду. (*Уходит.*)

Савва (*говорит тихо и спокойно, в движениях тяжел и медлителен, как будто вдруг сразу почувствовал тяжесть своего тела*). Ты знаешь?

Липа. Знаю.

Савва. Все знаешь?

Липа. Все.

Савва. Монах сказал?

Липа. Монах сказал.

Савва. Ну?

Липа (*слегка отступая и поднимая руки для защиты*). Ничего не будет. Взрыва не будет. Взрыва не будет, ты понимаешь, Савва? Не будет!

Пауза. На улице шаги и невнятный говор. Савва поворачивается и с особенной медлительностью, сгорбившись, прохаживается по комнате.

Савва. Ну?

Липа. Так лучше, брат, поверь мне. Поверь мне!

Савва. Да?

Липа. Ведь это было – не знаю что! Сумасшествие какое-то. Ты подумай!

Савва. Это – наверно?

Липа. Да, наверно. Теперь уже ничего не сделаешь.

Савва. Расскажи, как это произошло. (*Осторожно*

садится и тяжело смотрит на Липу.)

Липа. Я уже давно догадалась... Еще тогда, в тот день, когда мы говорили. Только я еще не знала – что. И я видела... машинку эту: у меня есть другой ключ от этого сундука.

Савва. У тебя наклонности сыщика. Продолжай.

Липа. Я не боюсь оскорблений.

Савва. Ничего, ничего, продолжай.

Липа. Потом я видела, что ты часто разговариваешь с этим, с Кондратием. А вчера я посмотрела – машинки этой уже нет. И я поняла.

Савва. Второй, ты говоришь, ключ?

Липа. Да... ведь сундук этот мой. Ну, и сегодня...

Савва. Когда?

Липа. Уже к вечеру – я никак не могла найти Кондратия – я сказала ему, что знаю все. Он очень испугался и рассказал мне остальное.

Савва. Достойная пара: сыщик и предатель. Ну?

Липа. Если ты будешь оскорблять меня, я замолчу.

Савва. Ничего, ничего, продолжай.

Липа. Он хотел донести игумену, но я не позволила. Я не хочу губить тебя.

Савва. Да?

Липа. Когда все это устроилось, я вдруг поняла, как это дико все – так дико, что этого не может быть. Кошмар какой-то. Нет, этого не может быть! И мне стало

жаль тебя.

Савва. Да?

Липа. Мне и сейчас жаль тебя. *(Со слезами.)* Саввуш-ка, милый, ведь ты мой брат, ведь я качала тебя в люльке. Миленький, что ты задумал, – ведь это же ужас, сумасшествие. Я понимаю, что тебе тяжело было смотреть, как живут люди, и ты дошел до отчаяния... Ты всегда был хороший, добрый, и я понимаю тебя. Разве мне самой не тяжело смотреть? Разве я сама не мучусь? Дай мне твою руку...

Савва *(отстраняя ее руку)*. Он сказал тебе, что пойдет к игумену?

Липа. Да, но я не позволила ему.

Савва. А машинка у него?

Липа. Он завтра отдаст ее тебе; мне он побоялся ее отдать. Саввушка, миленький, ну, не смотри на меня так! Я понимаю, что тебе неприятно, но ты умный, ты не можешь не сознавать, что ты хотел сделать. Но ведь это же бессмыслица, это бред, это может присниться только ночью. Разве я не понимаю, что жить тяжело, не мучусь этим! Но нужно бороться со злом, нужно работать... Даже эти товарищи твои, анархисты... убивать нельзя, никого нельзя, но я все же их понимаю: они убивают злых...

Савва. Они не товарищи мне; у меня нет товарищей.

Липа. Но ведь ты же анархист?

Савва. Нет.

Липа. Кто же ты?

Тюха (*поднимая голову*). Идут. Всё идут. Слышишь?

Савва (*тихо, но угрожающе*). Идут!

Липа. Да, и кто идет, ты подумай. Ведь это горе человеческое идет, а ты хотел отнять у него последнее – последнюю надежду, последнее утешение... И зачем, во имя чего? Во имя какой-то дикой, страшной мечты о «голой земле»... (*Смотрит в темную комнату с ужасом.*) Голая земля – подумать страшно – голая земля! Как мог человек додуматься до этого: голая земля. Нет ничего, все надо уничтожить. Все. Над чем люди работали столько лет, что они создали с таким трудом, с такой болью... Несчастные люди! и среди вас находится человек, который говорит: все это надо сжечь... огнем!

Савва. Ты хорошо запомнила мои слова.

Липа. Ты разбудил меня, **Савва.** Когда ты сказал мне, я вдруг точно прозрела, я полюбила все. Понимаешь, полюбила! Вот эти стены... прежде я не замечала их, а теперь мне жаль их, так жаль... до слез. И книги, и все, каждый кирпич, каждую деревяжку, отделанную человеком. Пусть оно плохо, – кто говорит, что оно хорошо! Но за то я и люблю его – за неудачу,

за кривые линии, за несбывшиеся надежды... за труд, за слезы! И все, Савва, кто услышит тебя, так же почувствуют, как и я, так же полюбят все старое, милое, человеческое...

Савва. Мне дела нет до вас.

Липа. Нет дела! А до кого же дело? Нет, Савва, ты никого не любишь, ты только себя любишь, свои мечты. Кто любит людей, тот не станет отнимать у них все, тот не поставит свое желание выше их жизни. Уничтожить все! Уничтожить Голгофу!.. Ты подумай: (с ужасом) уничтожить Голгофу! Самое светлое, что было на земле! Пусть ты не веришь в Христа, но если в тебе есть хоть капля благородства, ты должен уважать Его, чтить Его благородную память: ведь Он же был несчастен, ведь Он же был распят – распят, Савва!.. Ты молчишь?

Савва. Молчу.

Липа. Я думала... я думала... если тебе удастся это, я убью тебя, отравлю. Как самого вредного!

Савва. А если это не удастся...

Липа. Ты еще надеешься?

Савва. А если это не удастся, я убью тебя.

Липа (делает шаг к нему). Убей! Убей! Дай мне пострадать за Христа... за Христа, за людей!

Савва. Да, я убью тебя.

Липа. Да разве я не думала об этом? Разве я об

этом не мечтала? Господи! Пострадать за Тебя – да есть ли счастье выше этого!

Савва (*презрительным жестом указывая на Липу*). И это – человек! И это считалось лучшим! И этим гордились! Н-ну, не богаты же вы хорошим!

Липа. Оскорбляй, издевайся, нас всегда оскорбляй, прежде чем убить.

Савва. Нет. Я не думаю тебя оскорблять, – как я могу оскорбить тебя! Ты просто неумная женщина. Таких много было. Много есть и сейчас. Просто неумная, ничтожная, даже невинная, как все, кто ничтожен. И если я хочу убить тебя, то ты не гордись этим, не думай, что ты особенная, достойная моего гнева. Нет. Просто мне будет немного легче. Когда мне случалось колоть дрова и я промахивался и вместо полена попадал по порогу, это было легче, чем если кто-нибудь удерживал мою руку. Поднятая рука должна упасть.

Липа. И подумать, что этот зверь – мой брат!

Савва. Которого ты качала в люльке и ставила на горшок. Да. А мне нисколько не странно, что ты моя сестра, а вот это чучело – мой брат. Эй, Тюха? Идут! (*Тюха ворочает головой, бессмысленно смотрит, не отвечает.*) Да. Мне нисколько не странно, когда все ничтожное называет себя моими сестрами и братьями, а когда узнает, кто я, идет покупать мышьяку на пятиалтынный – для брата. Травить меня, видишь ли,

уже пробовали. Та, которая ушла от меня, пробовала, но не хватило духу. Дело в том, что все сестры и братья мои, помимо прочего, трусы!

Липа. Я бы отравила.

Савва. Не спорю. Ты немного истеричка, а истерички – народ решительный, если только не расплачутся раньше.

Липа. Я истеричка? Хорошо, пусть так! Пусть так, – а кто ты, Савва?

Савва. Меня это мало интересует.

Липа. Они идут, **Савва.** Они идут! И они найдут то, что им надо... И это сделала истеричка! Ты слышишь, сколько их? И если бы они узнали... Если бы подойти сейчас к окну и открыть, и крикнуть: вот он здесь, человек, который покушается на вашего Христа... Хочешь, я подойду сейчас? Хочешь? (*Висступлении делает шаг к окну.*) Хочешь?

Савва. Да, средство хорошее – избавиться от мученического венца. Что ж, крикни. Да поосторожнее: Тюху не свали!

Липа (*возвращается*). Мне жаль тебя, ты разбит, а лежачего не бьют. Но помни! Но помни, Савва: это идут тысячи твоих смертей.

Савва (*улыбаясь*). Шаги смерти.

Липа. Помни, что каждый из них счастлив был бы убить тебя, раздавить как гадину. Ты слышишь, сколь-

ко их? И каждый из них – твоя смерть! Если простого вора, конокрада, они бьют до смерти, то что же они должны сделать с тобой? Ведь ты Бога у них хотел украсть!

Савва. Это верно – тоже собственность!

Липа. И ты еще смеешься? Кто дал тебе право? Кто дал тебе власть над людьми, как смеешь ты касаться того, что для них – право, касаться их жизни?

Савва. Кто дал мне право? Вы дали. Кто дал мне власть? Вы дали. И я держу ее крепко, – попробуй, отними! Вы – вашей злостью, вашим безумием, вашим подлым бессилием. Право! Власть! Превратили землю в помойную яму, в бойню, в жилище рабов, грызут друг друга и спрашивают: кто осмелился схватить их за горло? Я! Понимаешь? Я! *(Встает.)*

Липа. Ты такой же человек, как и все.

Савва. Я – мститель. За моей спиной все удушенное вами. Ага! Блудили себе потихоньку и думали: никто не узнает, ничего, обойдется понемногу. Лгали, бесстыдствовали, кривлялись перед своими алтариками и бессильным Богом и думали: ничего, бояться некого, мы здесь одни. А вот пришел человек и говорит: отчет! Что сделали, ну-ка? Отчет давайте, ну? – да без мошенничества, я вас знаю! За каждого потребую! Ни одной кровинки не прощу! Ни одной слезы вам не оставлю!

Липа. Но уничтожать все... Ты подумай!..

Савва. А что же с ними делать, по-твоему? Уговаривать этих баранов свернуть с их скотской тропы, ловить каждого за рога и отводить в сторону, надеть фрак и читать им лекции? Как будто мало их учили! Как будто для них имеют значение слова, мысли. Мысль! Чистая, несчастная мысль! Они развратили ее, научили мошенничать, сделали ее продажной тварью, что отдается за пятак. Нет, сестра, жизнь коротка, и тратить ее на диспуты с баранами я не намерен. Огнем их надо! Огнем! Пусть надолго запомнят день, когда пришел на землю Савва Тропинин!

Липа. Но чего ты хочешь? Чего ты хочешь?

Савва. Чего хочу? Освободить землю. Освободить мысль! Освободить человека и уничтожить всю эту двуногую болтающую тварь! Он, теперешний, умный, он уже готов для свободы, но прошлое ест его душу, как короста, замыкает его жизнь в железный круг совершившегося, фактов. Факты я хочу уничтожить, факты! Сломать тюрьму, в которой запрятаны идеи, и дать им крылья, и открыть им новый, великий, неизвестный простор. В огне и громе перейти хочу я мировую грань!

Липа (*закрывая рукой глаза*). Мне страшно. Мне страшно! Я вижу все в огне...

Савва. Ты думаешь, я не знаю, что каждый из этих

глупцов рад бы убить меня? Но этого не будет, нет. Настало мне время прийти, и я пришел, и вот стою я среди вас. Будьте готовы! Время настало! Ничтожная! Ты думала, что, воровски отнявши у меня одну маленькую возможность, ты ограбила меня всего? Нет, я все так же богат.

Липа (*с закрытыми глазами*). Тебя убьют. Этого не может быть, чтобы тебя не убили! Тебя убьют.

Савва. Ну и пускай убьют. Но бойся тех цветов, что взойдут над моей могилой – невиданных еще цветов последней мести! Я только посланный, пославший же меня... пославший же меня – бессмертен. И не я, так другой, а вашему миру придется худо. Сочтены дни его, и часы его измерены.

Пауза.

Липа. Ты страшный человек. Я думала, ты будешь поражен неудачей, а ты... ты – как сатана и, падая, становишься еще чернее.

Савва. Да. Это только воробыи, Липа, прямо с земли поднимаются кверху, а крупной птице надо сперва упасть, чтобы хорошенько расправить крылья.

Липа. Неужели тебе не жаль детей? Сколько должно погибнуть их!..

Савва. Каких детей? Ах, да, Мишка... (*Добродуш-*

но.) Мишка – славный парень, это верно. Он подрастет, спуску вам не даст... Дети, да! Недаром вы уже начинаете побаиваться их! Ничего. Я детей люблю, это верно. (*Сгордостью.*) И меня они любят, а вас вот – недолюбливают.

Липа. Мы не играем с ними в ладыжки.

Савва. Какая ты глупая, сестра! Да если же я люблю играть?

Липа. Вот и играл бы.

Савва. И буду играть.

Липа. Когда ты так говоришь, мне опять кажется, что все это сон... что было, что мы говорили. Неужели это правда? и ты хочешь убить меня?

Савва. Это как понадобится. Может быть, и не придется.

Липа. Ты шутишь!

Савва. Вы все твердите, что я шучу. До чего отвыкли вы от серьезного!

Липа. Нет, это не сон. Идут!

Савва. Да, идут.

Слушают.

Липа. И ты еще как будто веришь. Во что ты веришь?

Савва. Я верю в свою судьбу.

На монастырской башне начинают бить часы.

Савва. Двенадцать.

Липа (*считает*). Семь... Восемь... И подумать, что в этот час должно было совершиться... при одной мысли...

Глухой звук сильного взрыва.

Липа. Что это?

Савва. Ага, вот оно!

Оба бросаются к окнам, будя Тюху, который сонно ворочает головой. На улице шаги на миг останавливаются; потом слышно, как все бежит. Испуганные вскрики, плач, отрывочные громкие слова: «Что это?» – «Господи!» – «Пожар!» – «Пожар!» – «Нет, завалилось что-то». – «Бежим!» – и часто повторяется слово «монастырь».

Тюха. Бегут? Куда они бегут? А? Почему никого нет?

Пелагея (*полуодетая, проходит*). Господи, батюшка! Никак монастырь горит. Господи, батюшка! А ты тут, пьяница, василиск...

Тюха. Ого! Бегут!.. Рожи-то, а?

Гулко проносится первый удар всполошного колокола. Затем удары становятся чаще, – торопливые, тревожные, неровные, они сливаются с гулом улицы и точно лезут в окна.

Пелагея (*плачет.*) Господи, куда же теперь деваться?

Бежит. Крики на улице сильнее. Кто-то кричит в одну ноту: «ай-ай-ай», и пропадает в общем тревожном гуле и звоне.

Липа (*отходя от окна, очень бледная, растерянная*). Что же это? Не может быть. Не может быть! Тюха, Тюха, проснись! Тюха, братик, что же это, а? Тюха!

Тюха (*успокоительно*). Это ничего. Это все рожи.

Савва (*отходя от окна, спокойный и строгий, но тоже бледный*). Ну что, сестра?

Липа (*мечется*). Я побегу. Я побегу. Где платок, где платок? Господи, Боже мой, да где же платок?

Савва. Платок вот он, но я все равно его не дам. Посиди, там тебе нечего делать.

Липа. Пусти!

Савва. Нет, посиди, посиди! Теперь все равно уже

поздно.

Липа. Поздно...

Савва. Да, поздно. Ты слышишь, как бухают?

Липа. Я побегу, побегу.

Савва. Сиди, сиди (*сажает ее*). Тюха, слышал? Бога взорвали!

Тюха (*со страхом смотрит на лицо Саввы*). Савва, не смей меня, отвернись!

Савва улыбается и ходит по комнате решительными, очень легкими шагами, без обычной сутуловатости.

Липа (*слабо*). Савва!

Савва. Что? Громче!..

Липа. Неужели это правда?

Савва. Правда.

Липа. И Его нет?

Савва. И Его нет.

Липа плачет сперва тихо, потом все громче и громче. Набат и крики точно растут. Грохочут какие-то повозки.

Савва. Бегут! Как они, однако!.. (*Липа говорит что-то, но слов ее не слышно.*) Громче! Не слышу.

Видишь, как они раззвонились!

Липа (*громко*). Убей меня, Савва!

Савва. Зачем? Ты умрешь сама.

Липа. Я не могу! Я убью себя.

Савва. Убивай! Убивай! Убивай скорей!

Липа плачет, уткнувшись головой в кресло. Тюха с перекосившимся от страха лицом смотрит на Савву и обе руки держит в готовности у рта. Гулко бухает всполошной колокол, сливая свои тревожные звуки с громкою речью Саввы.

Савва (*громко*). Ага! Зазвонили!! Звоните, звоните! Скоро зазвонит вся земля. Я слышу!.. Я слышу! Я вижу, как горят ваши города. Я вижу пламя! Я слышу треск! Я вижу, как валятся на голову дома! Бежать некуда... Спасенья нет. Спасенья нет! Огонь везде! Горят церкви, горят фабрики – лопаются котлы. Конец рабьему труду!

Тюха (*трясаясь от страха*). Савка, замолчи! Я смеяться буду!

Савва (*не слыша*). Настало время! Настало время!.. Ты слышишь! Земля выбрасывает вас. Нет вам места на земле! Нет!.. Он идет! Я вижу его! Он идет, свободный человек! Он рождается в пламени!.. Он сам – пламя и разрушение! Конец рабьей земле!

Тюха. Савка, замолчи!

Савва (*наклоняясь к Тюхе*). Будьте готовы! Он идет. Ты слышишь его шаги? Он идет! Он идет!..

Занавес

Действие четвертое

Вблизи монастыря. Большая дорога, наискось пересекающая сцену. По ту сторону дороги – через реку – широкий вид на окрестности: луга, леса, села с горящими на солнце крестами церквей. Направо вдали, на выступе горы, над блестящей излучиной реки видна часть монастырских стен и башен. По эту сторону дороги бугроватое место, покрытое сильно притоптанной травой.

Раннее солнечное утро; часов пять-шесть. Над лугами кое-где туман, медленно рассеивающийся. По дороге изредка проходят богомольцы, торопящиеся к монастырю, провозят повозки с калеками и уродами. Со стороны монастыря приносится гул многотысячной, чем-то радостно возбужденной толпы. Отдельных голосов не слышно, но чувствуется пение слепцов, крики, радостный, торопливый, частый говор. Впечатление той же стихийности и силы. Через равные промежутки, как волна, крик упадает, и тогда ясно слышно пение слепцов.

*По эту сторону дороги **Липа и молодой послушник**. Липа, одетая, как и ночью, в небрежно повязанном белом платке, усталая от радости, почти грезящая, сидит на бугорке. Возле стоит послуш-*

ник; лицо у него растерянное, недоумевающее, движения неуверенные, нецелесообразные; пытается улыбнуться, но улыбка выходит кривая, жалкая. Похож на обиженного ребенка, не знающего точно причины своих страданий.

Липа (*развязывая платок*). Господи, как хорошо. Так бы и умерла тут. Не могу надышаться! Как хорошо! Как хорошо!

Послушник (*оглядывается*). Да, хорошо. Только я не могу там быть. Не могу. Толкаются, лезут... Как они эту женщину раздавили... У нее ребенок. Я не мог смотреть. Я... я уйду в лес...

Липа. Как хорошо, Господи!

Послушник (*с тоской смотрит на широкую даль*). Я пойду в лес.

Липа. И еще вчера только ничего этого не было. Ни чуда, ничего. Был **Савва**. Я не могу поверить, что это было вчера: как будто год прошел, сто лет... Господи!

Послушник (*морщась*). Зачем это он? Ну зачем?

Липа. Вы догадываетесь, Вася?

Послушник (*машет рукой*). Говорил, пойдете в лес. Нет, нужно!

Липа. Он что-нибудь рассказывал вам?

Послушник (*машет рукой*). И надо было. Э-эх!

Липа. Ах, Вася, Вася! С вашим лесом вы прозевали

самое великое, такое великое, чего не запомнят люди. Ах, Вася, ну можно ли говорить о чем-нибудь, когда вот сейчас, вот перед вами совершилось чудо. Вы понимаете: чудо! Даже сказать страшно: чудо! Господи! Вы где были, Вася, когда сделался взрыв? В лесу?

Послушник. В лесу. Я взрыва не слышал. Я только набат услышал.

Липа. Ну?

Послушник. Да ничего. Прибежал, а у нас... ворота раскрыты, плачут все, как помешались. И икона...

Липа. Ну-ну... Вы видели?

Послушник. Да ничего, стоит. А кругом... *(Оживляясь.)* Вы знаете решетку железную, ту, ну, вы знаете – скрутило всю, как веревку. Даже смотреть смешно: как будто она мягкая. Я попробовал, ну нет! Какая сила, а? Должно быть, большой заряд...

Липа. Ну, а икона, икона?

Послушник. Да ничего, стоит. Молятся наши около нее.

Липа. Господи! И стекло цело?

Послушник. И стекло цело.

Липа. Мне говорили, но я все сомневалась... Прости меня, Господи. Ну, что, как они? Рады, очень?

Послушник. Да, рады. Как пьяные все. Не поймешь, что говорят. Чудо, чудо. Отец Кирилл как поросянок визжит: уи-уи. Ему холодную припарку делали

на голову. Он толстый, того и гляди помрет. Нет, не могу я тут. Ступайте домой, Олимпиада Егоровна, а? Я вас провожу.

Липа. Нет, Вася, милый. Я туда пойду.

Послушник. Не ходите, ей-Богу, не ходите. Они вас задавят. Как они бабу эту! Все – как пьяные. Лопочут, лопочут. Глаза вытарашенные...

Слышите, как они там?

Липа. Вы еще мальчик, Вася, вы этого еще не понимаете. Чудо! Люди всю жизнь ждали чуда, может, уже отчаиваться стали, а тут... Господи! Да тут с ума сойти, можно от радости. Как я услышала вчера: «чудо», нет, думаю, что же это такое? Не может быть. Только вижу: плачут, крестятся, на колени становятся. И набат перестал.

Послушник. Отец Афанасий звонил. Он страсть какой здоровый.

Липа. И только и слышно: чудо, чудо! Никто ничего не говорит, а только слышно: чудо, чудо! Как будто вся земля заговорила. Я и сейчас, как глаза закрою, так и слышу: чудо, чудо! *(Закрывает глаза и слушает, счастливо улыбаясь.)* Как хорошо!

Послушник. Мне Савву Егоровича жалко!.. Шумят-то как, а?

Липа. Оставьте, не нужно о нем говорить. Он Богу ответит. Правда, что сегодня будут «Христос Воскре-

се» петь, когда икону понесут?.. вместо того, что всегда поют... Вася, вы слышите, я вас спрашиваю?..

Послушник. Да, правда. Говорят. Ступайте домой. Олимпиада Егоровна, а?

Липа. Ступайте, если хотите.

Послушник. Да как же я вас оставлю: они скоро сюда нахлынут. Господи, Савва Егорович сюда идет!

Идет Савва. Он без шапки. Лицо потемневшее, землистое; под глазами круги. Смотрит исподлобья острым, неподвижным взглядом. Часто озирается и точно прислушивается к чему-то. Походка тяжелая, но быстрая. Увидев Липу и послушника, сворачивает к ним. При его приближении Липа встает и отворачивается.

Савва. Кондратия не видали?

Послушник. Нет, он в монастыре.

Савва стоит молча. Крик у монастыря упал, и слышно жалобное пение слепцов.

Послушник. Савва Егорович!

Савва. Папироски у тебя нет?

Послушник. Нет же, я не курю, Савва Егорович. *(Плачущим голосом).* Пойдемте в лес!

Савва *стоит молча.*

Послушник. Они вас убьют ведь! Савва Егорович, пойдемте в лес, голубчик...

Савва *внимательно смотрит на него, молча поворачивается и уходит.*

Послушник. Савва Егорович! Ей-Богу, лучше бы в лес!

Липа. Оставьте его. Он, как Каин, не находит себе места на земле. Вся земля радуется, а он...

Послушник. У него лицо черное... мне жалко.

Липа. Он весь черный... Вы дальше от него будьте, Вася. Вы не понимаете еще, кого вы жалеете. Я его сестра, я люблю его, – но если его убьют, это будет счастье для всех людей. Вы еще не знаете, что он хотел сделать: подумать страшно. Это сумасшедший, Вася, страшный сумасшедший, или уж не знаю кто...

Послушник *(машет рукой).* Да вижу же я, ну что вы мне говорите... только жалко мне его, ну и противно тоже. Ну зачем это он? Ну зачем? Придумывают люди всякую глупость... Эх!

Липа. У меня одна только надежда, что он понял наконец. А если...

Послушник. Ну что еще – если?

Липа. Так, ничего. Пришел он – и точно туча на солнце нашла.

Послушник. Вот вы тоже: весело вам – ну и радуйтесь же, а то «если» да «так». Нельзя без этого?

Народу незаметно прибывает. На дороге останавливаются две повозки с калеками; уже некоторое время под деревом сидит хромой с костылями и плачет, сморкаясь и утираясь рукавом. Со стороны монастыря показывается человек в чуйке.

Человек в чуйке (*суетливо и озабоченно*). Калек-то надо к Ему поближе, калек-то, убогих-то. Ну, бабы заснули! Вези, вези, там отдохнешь. Ты что, дедушка, не идешь, а? Тебе с ногами тоже поближе надо. Иди, дед, иди.

Хромой (*плачет*). Не могу я идти.

Человек в чуйке (*озабоченно*). Ах, какой ты! Как же это ты так, а? Ну давай, пособилю, что ль... Ну, подымайся, ну?

Хромой. Не могу.

Прохожий. Не действует? Дай-ка я... Его главное дело поставить, а там он заскачет. Верно, дед?

Человек в чуйке. Ты его с того боку, а я с этого. Ну, дедушка, двигай, двигай, недолго потерпеть осталось.

Прохожий. Вот и заскакал. Так, так! Работай, дед, внакладе не останешься. *(Уходят.)*

Послушник *(весело улыбаясь)*. Как они его завели! Ловко, а? Так и пошел... ишь ты, старый!

Липа *(плачет)*. Господи! Господи! Какие люди хорошие!

Послушник *(огорченный)*. Ну чего вы? Да не плачьте же, ей-Богу. Ну чего вы? То ничего, а то плакать.

Липа. Ничего, Вася, ничего. Я от радости плачу. От чего вы не радуетесь, Вася? Вы не верите в чудо?

Послушник. Да верю же, Господи. Только я не могу на это смотреть. Все как пьяные, лопочут, что – не разберешь. Бабу эту раздавили... *(Брезгливо, с тоскою.)* Они ведь ей кишки выпустили... Ах, Господи! Просто не могу. И все это так... Отец Кирилл хрюкает: уи-уи-уи. *(Смеется, тоскливо.)* Ну зачем он хрюкает?

Липа *(строго)*. Это вы у Саввы научились!

Послушник. Да нет же! Ну зачем он хрюкает? *(Смеется тоскливо.)* Ну зачем?

*Подходит **Егор Иванович**. Одет по-праздничному. Борода и волосы расчесаны; очень важен и строг.*

Егор Иванович. Ты чего это тут, а? Почему в таком виде?

Липа. Не успела переодеться.

Егор Иванович. А сюда успела? Куда не надо, успела, а куда надо – не успела. Иди-ка домой да переоденься. Нехорошо, нигде этого не видано.

Липа. Ах, папаша!..

Егор Иванович. Нечего ахать. А папаша и есть папаша. Вот видишь, оделся же я. Оделся и иду как надо. Да. Со стороны посмотреть, так и то приятно: оделся как надо, да. А ты бы, того, для такого дня-то, ты бы за стойкой-то немного постояла, да. Тюха удрал, чтоб его разразило, а Полька одна не управится. Нечего рожу-то кривить!

Мещанин (*проходит*). Егору Ивановичу! С чудом вас.

Егор Иванович. И тебя тоже, любезный. погоди, вместе пойдем. А ты, Олимпиада, дура, да. Как была дура, так и осталась.

Мещанин. Здорово нынче торговать будете.

Егор Иванович. Как Бог даст. А ты почему поздно? Спал? То-то вы все спите... (*Уходят.*)

Послушник. Как бежал я вчера, так всех светляков из шапки разронял по дороге. Растоптали их теперь. Лучше бы я их в лесу оставил... Как они там кричат, а? Чего это они? Опять, должно быть, кого-нибудь раздавили.

Липа (*закрывая глаза*). Вы говорите, Вася, а слова как будто мимо меня. Слышу – и не слышу. Так бы и

осталась, кажется, на всю жизнь. С места бы не тронулась, все сидела бы, закрывши глаза, и слушала, что там внутри. Господи, какое счастье! Вы понимаете, Вася?

Послушник. Да, понимаю я.

Липа. Нет. Вы понимаете, что сегодня случилось? Ведь это, значит, Бог сказал, сам Бог сказал: подождите, не бойтесь, плохо вам, но это ничего, это пройдет. Нужно ждать. Ничего не надо разрушать, а нужно работать и ждать. Оно придет, Вася, оно придет. Я теперь чувствую это, я – знаю.

Послушник. Что придет?

Липа. Жизнь, Вася, настоящая придет. Господи, мне все плакать хочется, Вася, – от радости, не бойтесь! Подходят **Сперанский** и **Тюха**. Последний очень мрачен, смотрит исподлобья, вздыхает. Минутами манерой ходить и смотреть он странно напоминает Савву.

Сперанский. Здравствуйте, Олимпиада Егоровна. Здравствуйте, Вася. Какое чрезвычайное событие, если только верить слухам.

Липа. Верьте, Григорий Петрович, верьте.

Сперанский. Вы рассуждаете по простоте, Олимпиада Егоровна. А если подумать, что все это и мы сами, весьма возможно, не существуем...

Тюха. Молчи!

Сперанский. Отчего же? Для меня, Олимпиада Егоровна, чуда не существует. Если сейчас, скажем, сразу все повиснет в воздухе, так и это не будет чудо.

Липа. А что же? Какой вы чудак!

Сперанский. Просто перемена, Олимпиада Егоровна. Было одно, а стало другое, больше ничего. Если хотите, для меня уже то чудо, что оно так стоит. Все радуются, а я сижу и думаю: вот моргнет время глазами, будет перемена: эти все уже умерли, а на их место какие-то новые. И тоже, вероятно, радуются.

Тюха. Савка где?

Липа. На что он тебе?

Сперанский. Они все время Савву Егоровича ищут. Везде обошли: нету.

Послушник. Он сейчас здесь был.

Тюха. Куда пошел?

Послушник. В монастырь, кажется.

Тюха (*тащит Сперанского*). Пойдем.

Сперанский. До приятного свидания, Олимпиада Егоровна. Как они там кричат! А будет время, все замолчат. (*Уходят.*)

Послушник (*беспокойно*). Зачем они ищут Савву Егоровича?

Липа. Не знаю.

Послушник. Я не люблю этого семинариста, всегда

он около покойников... и чего ему надо? Такой противный. Как ни похороны, так он уж тут как тут. Он носом мертвечину чует.

Липа. Он несчастный.

Послушник. Какой он несчастный! Его собаки на селе боятся. Не верите? Ей-Богу. Полает-полает, да и в подворотню.

Липа. Это все пустяки, Вася. Вот послушайте: сегодня петь будут: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ». Понимаете: «смертию смерть поправ»?..

Послушник. Понимаю, понимаю, но только зачем он говорит: все замолчат. И все это так... Не люблю я этого, не люблю. Вот бабу эту задавили, может быть, еще кого-нибудь. *(Мотаает головой.)* Не люблю. В лесу у меня тихо, хорошо, а тут... Лучше бы чуда этого не было, только бы хорошо было. Зачем это? Чудо. Не надо чуда!

Липа. Что вы говорите, Вася!

Послушник. Савва Егорович... Не надо было этого, не надо! Говорил – в лес пойдем, а он... Прежде я его любил, знаете, а теперь... я его боюсь. Зачем это он? Ну зачем? Господи, какие они все... Вот еще калек везут. Вот тоже калеки... зачем они?

Липа. Да что с вами, Вася? Что вы мечетесь?

Послушник. Так было все хорошо, Господи! Да

идите же вы домой, Олимпиада Егоровна. Посмотрели, ну и довольно, чего вам тут сидеть? Идите-ка, и я пойду... Ох, батюшки, опять Савва Егорович идет!

Липа. Где?

Послушник. Вон он... Эх!

Савва (садится). Кондратий не приходил?

Послушник. Нет, Савва Егорович.

Пауза. Снова слышно жалобное пение слепцов.

Савва. У вас нет папироски, Вася?

Послушник. Да нет же, я не курю.

Липа (сурово). Чего ты ждешь, Савва? Уходи отсюда, – ты здесь лишний. Ты посмотри на себя: на тебя взглянуть страшно. У тебя лицо черное.

Савва. Не спал, вот и черное.

Липа. Чего ты ждешь?

Савва. Объяснения.

Липа. Ты не веришь в чудо?

Савва (усмехаясь). Вася, вы верите в чудо?

Послушник. Да верю же, Савва Егорович.

Савва. Ну, погодите. Что они там делают! Троиخ уже задавили.

Послушник. Троих?

Савва. И еще задавят. И все галдят: чудо, чудо! Дождались!

Липа. И это ты, Савва, дал им чудо. Тебя нужно благодарить.

Савва (*хмуро*). Что, Вася, рады небось монахи?

Послушник. Очень рады, Савва Егорович, плачут.

Савва (*смотрит на него*). Плачут? Чего же они плачут?

Послушник. Да не знаю же; от радости, должно быть. Отец Кирилл хрюкает как поросенок: уи-уи-уи! Как пьяные все.

Савва (*встает, беспокожно*). Как пьяные? Что это значит? Они, может, и вправду пьяные?

Послушник. Да нет же, Савва Егорович. От чуда это они: рады. Отец Кирилл хрюкает: уи-уи. Говорит, что пить теперь бросит, в скит пойдет, если жив останется.

Савва (*смотрит*). Ну?

Послушник. Больше ничего.

Савва. Что они говорят?

Послушник. Каются, говорят, что больше грешить не будут, обнимаются. Как пьяные все...

Савва (*прохаживается, гладит себя рукой по лбу*). Да, так вот оно что!.. Да. Глупо!

Липа (*следит за ним*). Уходи отсюда, Савва, ты лишний.

Савва. Что?

Липа (*неохотно*). Тебя могут узнать, и тогда... Ты

хоть бы шапку надел, у тебя вид, как...

Послушник. Да, уходите, Савва Егорович... пожалуйста, голубчик. Они ведь... они вас убить могут.

Савва (с внезапным гневом). Оставьте меня в покое. Никто меня не убьет. Чепуха какая!

Пауза.

Савва (садится). Воды бы, что ль, выпить... пить очень хочется. Нет тут лужи какой-нибудь?

Послушник (со страхом глядя на Савву). Нет, все повысохло.

Савва (морщась). Жаль.

Послушник. Вон у бабы манерка есть. *(Весело.)* Я сейчас попрошу... *(Бежит.)*

Липа. Тебе бы этой воды давать не следовало. Уходи отсюда, Савва, уходи. Посмотри, как радуются все кругом, земля радуется, солнышко радуется, а ты один... Я все еще не могу забыть, что ты мой брат. Уходи. Но только куда ты ни пойдешь, всюду уноси с собой память об этом дне. Помни, что и везде тебя ждет то же. Земля не отдаст тебе своего Бога, люди не отдадут тебе, чем они живут и дышат. Вчера я еще боялась тебя, а сегодня я смотрю на тебя с жалостью. Ты жалок, **Савва.** Уходи. Чего ты смеешься?

Савва (улыбаясь). Не рано ли ты мне, сестра, от-

ходную читаешь?

Липа. Неужели ты еще не испуган?

Савва. А чего же мне пугаться? фокусов ваших? Я, Липа, привык ко лжи и обманам. Этим меня не испугаешь! Да и глупой доверчивости у меня еще много, ну, а это помогает. На будущий раз пригодится.

Липа. Савва!

Савва. Ну?

Послушник (*приносит манерку с водой*). Насилу выпросил. Такая ведь каляная баба! Самой, говорит, нужно. Такая баба!

Савва. Спасибо, дядя. (*Пьет с жадностью.*) Хорошо! (*Допивает последние капли.*) Сладкая вода! Отнесите бабе и скажите: сладкая вода! Такой на всей земле нет.

Послушник (*весело*). Хорошо, скажу. (*Уходит.*)

Липа (*шепотом*). Ты враг рода человеческого!

Савва (*облизывая губы*). Ладно, ладно. Вот послушаем, что Кондратий скажет. Экая каналья! Ну, я его!..

Липа (*с ударением, но все так же шепотом*). Ты враг рода человеческого! Ты враг рода человеческого!

Савва. Громче говори, а то никто не слышит. Новость пикантная!

Липа. Уходи отсюда!

Послушник *возвращается.*

Савва (*смотрит, прищурившись, вдаль*). А правда, дядя, хорошо там? Чей это лес? Базыкинский? Были мы там с вами или нет?

Послушник (*весело*). Да Базыкинский лес! Я вчера, Савва Егорыч, полную горсть светляков набрал, да только как бежал... (*Вспоминает; тоскливо*.) Господи, как они кричат там! Ну чего они? Вы говорите, они троих задавили, Савва Егорыч, а Савва Егорыч?

Савва (*равнодушно*). Троих.

Послушник. И чего ломаются? Ведь понесут же ее, все увидят.

Савва. Когда понесут?

Послушник (*смотрит вверх*). Теперь скоро.

Липа. Они будут петь сегодня «Христос воскрес».

Савва (*усмехаясь*). Да? Какой я им, однако, праздник устроил!

Показываются Сперанский и Тюха.

Послушник. Ну вот, теперь эти еще идут. Э-эх! Ну чего им надо? Чего ищут? Не люблю же я этого, Господи! Савва Егорыч, пойдите отсюда.

Савва. Чего ради?

Послушник. Они сюда идут, **Сперанский...**

Савва. Ага! «Шаги смерти» приближаются.

Липа смотрит удивленно; послушник, волнуясь, прижимает руки к груди.

Послушник (*плачущим голосом*). Ну что вы говорите! Ах, Господи! Ну зачем это? Не надо этого говорить. Ах, Господи! Никаких тут нет шагов смерти.

Савва. Это он рассказ такой сочинил... Здравствуйте, здравствуйте... Чего надо?

Сперанский. Вот Антон Егорович вас ищут, Савва Егорович...

Савва (*со странным беспокойством*). Чего тебе?

Тюха (*очень мрачно, слегка прячась за Сперанского*). Ничего.

Послушник (*внимательно слушающий, горячо*). Так чего же вы ходите!

Ничего так ничего. А то ходят, ищут. Как это нехорошо. Ей-Богу!

Тюха (*мельком взглядывает на послушника, упирается взглядом на Савву*). Савка!

Савва (*раздраженно*). Да чего тебе надо, ну?

Тюха не отвечает и прячется за Сперанского, выглядывая из-за спины; в течение дальнейшего он неотступно глядит на Савву, дергает ртом и бровями и иногда обеими руками крепко зажимает рот.

Очень мрачен.

Сперанский. Народ очень волнуется, Олимпиада Егоровна. Сломали старые ворота, что на той стороне, к лесу; ворвались. Отец игумен выходил усовещевать. Кричат, ничего разобрать нельзя. Многие в корчах валяются на земле, больные, должно быть. Очень странно, даже совсем необыкновенно!

Липа. Скоро понесут? Надо идти. *(Встает.)*

Сперанский. Теперь, говорят, скоро. Повозку одну повалили с безруким, с безногим. Лежит на земле и кричит, такой странный.

Послушник. Да нет! Вы сами видели.

По дороге из монастыря идет Кондратий с двумя богомольцами, внимательно его слушающими. Увидев Савву, Кондратий что-то говорит своим спутникам, и те останавливаются.

Савва. Ага! Вот он!

Кондратий *(чистый, благообразный, сияющий).* Здравствуйте, Олимпиада Егоровна. Здравствуйте и вы, Савва Егорович!

Савва. Здравствуй, здравствуй! Пришел-таки, не побоялся!

Кондратий *(спокойно).* Чего же мне бояться?

Авось не убьете, а если и убьете, так от вашей руки и умереть сладко.

Савва. Какой храбрый! И чистенький какой, смотреть больно. В луже-то не такой лежал, похуже был.

Кондратий (*пожимая плечами, с достоинством*). Напрасно только вспоминаете: теперь это ни к чему. А вам, Савва Егорович, пора бы вашу злость и оставить. Да!

Савва. Ну?

Кондратий. То-то, что не – ну. Понукали и будет.

Савва. С чудом поздравить можно?

Кондратий. Да, Савва Егорыч, с чудом. (*Пристойно плачет, вытираясь платком.*) Дал Господь дожить.

Савва (*поднимаясь и делая шаг к монаху, внушительно*). Ну, ты, того. Будет именинника разыгрывать. Поиграл – и будет! А то я из тебя именины-то эти повытрясу, слышишь!

Послушник. Савва Егорыч, голубчик, не надо!

Кондратий (*слегка отступая*). Потихе, потихе! Мы не в лесу, когда купцов резать можно. Тут и народ близко.

Савва (*хмуро*). Ну, рассказывай. Пойдем!

Кондратий. Зачем же идти? Я и тут все рассказать могу, – у меня секретов нет. Это у вас секреты, а я весь тут.

Савва. Ты врать тут будешь.

Кондратий (*горячо, со слезами*). Грех вам, Савва Егорыч, грех. За что обижаете человека? Что в луже видели? Грех вам, нехорошо!

Савва (*с недоумением*). Да что ты?

Кондратий. В такой день и врать я буду! Олимпиада Егоровна, хоть вы! Боже мой, Боже мой! Ведь нынче Христос воскрес, понимаете вы это?

Прибывает народ. Некоторые мельком оглядываются на группу с двумя монахами и, обертываясь, проходят.

Липа (*взволнованно*). Отец **Кондратий**...

Кондратий (*бьет себя в грудь*). Понимаете ли вы это? Э-эх! Жил всю жизнь, как мерзавец, и за что только Бог привел! Олимпиада Егоровна, понимаете вы это? Понимаете вы это? а!

Савва (*в тяжелом недоумении*). Говори толком! Будет хныкать.

Кондратий (*машет рукой*). Я на вас не сержусь. Вы что...

Савва. Говори толком!

Кондратий. Я Олимпиаде Егоровне расскажу, не вам. Знали вы меня, Олимпиада Егоровна, за пьяницу, за беспутного человека, – теперь послушайте.

И вы (к Сперанскому) послушайте, молодой человек, вам это будет полезно: как Бог невидимо направляет.

Липа. Я вижу, отец **Кондратий**. Простите вы меня.

Кондратий. Бог простит, а я что!.. Так вот, Олимпиада Егоровна, послушался я вашего совета и пошел к отцу игумену с этой самой адской машинкой. Воистину – адская! И рассказал я ему все как на духу, чисто-сердечно.

Сперанский (догадываясь). Так это... Какое странное событие...

Послушник (тихо). Ну, молчите же вы, ну вам-то что?

Кондратий. Да-с. Отец игумен даже пополовели. «Ах, ты, говорят, да ты знаешь, с кем ты дело-то имел?» – «Знаю», говорю, а сам трясусь. Ну, собрали они братию, посоветовались келейно и говорят мне: вот что, говорят, Кондратий, – избрал тебя Господь орудием Своей святой воли. Да. (Плачет.) Избрал тебя Господь орудием...

Липа. Ну-ну!

Кондратий. Да-с. Ступай ты, говорят, и положи машинку, как приказано, и заведи ее... Как следует! Пусть дьявольский-то помысел так весь и совершится, полностью. А мы с братией, говорят, пойдем да с тихим пением икону-то и вынесем. И вынесем. Вот дьявол в дураках и останется.

Савва. Ага!

Липа (*удивленно*). Пойдите, отец **Кондратий**...
Как же это?

Савва хохочет.

Кондратий. Походите, Олимпиада Егоровна. А как, говорят, дьявольский помысел совершится, – мы ее, честную, назад поставим. Да-с. Ну и что тут делалось, как мы ее выносили, уже этого я рассказать вам не могу. Рыдает братия, петь никто не может. Горят это свечечки... маломало. А уж как вынесли мы ее в притвор, да как подумали, да как вспомнили... кто на ее святом месте... Лежим ниц округ иконы да горько-прегорько рыдаем – от жалости, от сокрушения: родной ты наш, сокровище ты наше, смилосердуйся над нами, вернись ты на свое место!

Липа плачет; послушник вытирает кулаком глаза.

Кондратий. А как трабабахнуло, как пошел по всей обители дым серный, дышать невозможно. (*Шепотом.*) И тут многие в дыму его увидели и от ужаса лишились чувств. Страшное дело! А уж как назад мы его понесли, да все без уговору «Христос воскрес» за-

пели, – так что это такое было!

Савва. Ты слышишь, Липа?.. Да что с вами? Чего вы плачете все?

Послушник. Да жалко же очень, Савва Егорыч.

Савва. Да ведь вас же обманули! Или вы лжете все – слезами лжете?

Кондратий пренебрежительно машет рукой.

Липа (*качая головой, плача*). Нет, **Савва**... Ты этого не понимаешь. Господи, Господи!..

Кондратий. В вас Бога нет, оттого вы и не понимаете. У вас мысли одни, да гордость, да злость, оттого вы и не понимаете. Эх, Савва Егорыч, Савва Егорыч, хотели вы и меня погубить, а я вам скажу по-христиански: лучше бы на свет не рождались!

Савва. Да что ты говоришь! Что я, ослеп, что ли!

Кондратий (*машет рукой, отворачивается*). Кричите себе!

Послушник. Савва Егорыч, не надо кричать, не надо! Вон народ... они уж оглядываться начали.

Савва (*кладет руку на плечо Кондратия, тихо*). По слушай, я понимаю...

Конечно, при людях... Но ты ведь понимаешь, Кондратий, ты ведь умный человек, очень умный, что это чепуха. Подумай, брат, подумай. Ведь икону вынесли

– какое же тут чудо?

Кондратий (*сбрасывая руку, качает головой, громко*). Не понимаете? Так-таки и не понимаете, а?

Савва (*шепотом*). Послушай, вспомни, что мы говорили...

Кондратий (*громко*). Нам шептаться с вами не о чем. А вы думаете, как чудо бывает? Эх, вы! Вот вы тоже человек умный, а простой вещи сообразить не можете: все ведь вы сделали, а? Все: и машинку мне дали, и взрыв был.

Все. А икона-то цела! Цела, я говорю, икона-то? Вот вы через это перескочите с вашим умом-то!

Липа (*озираясь, возбужденно*). Как это просто. Как это страшно. И я... И моими руками... Господи! (*Падает на колени, устремив взоры в небо.*)

Савва (*дико смотрит на все, потом на Кондратия*). Ну!

Кондратий (*отступая, со страхом*). Чего уставился?

Савва (*кричит*). Какой ты... дурак!

Кондратий (*бледнея*). Вы потише! Потише, говорю! Вы так не кричите, а то я как крикну!

Савва (*мечется. Сперанскому*). Что ты рот разинул, ты! Ведь ты философ, ты философ! Понимаешь, как они глупы: думают, что это чудо (*смеется*), думают, что это чудо!

Сперанский (*отступая*). Извините, Савва Егорыч, но с точки зрения... я не знаю!

Савва. Не знаешь?

Сперанский. Кто же знает? (*С отчаянием кричит.*)
Мертвые только, Савва Егорыч, мертвые!

Кондратий. Ага! Прижало тебя... Антихрист!

Липа (*с ужасом*). Антихрист?

Услышав крик, подходят сперва те двое богомольцев, что пришли с Кондратием; к ним постепенно присоединяются другие, между прочим, человек в чуйке.

Первый богомолец. Что это, отец, а? Обнаружился?

Кондратий. Гляди, гляди, как его!

Савва. Вася, голубчик. Что же это они, а? Ты послушай, что же они говорят, что они говорят! Милый ты мой!..

Послушник (*отступая*). Савва Егорыч, не надо, не надо! Уходите отсюда.

Савва. Вася, Вася, ну ты, ты...

Послушник (*кричит*). Да не знаю же я! Ничего я не знаю! Я боюсь!

Липа (*исступленно*). Антихрист! Антихрист!

Второй богомолец. Слушай-ка! Слушай!

Кондратий. Ага! Прижало!.. Деньги-то твои на! Карманы прожгли, проклятые! На! На! На, антихристово семя! *(Бросает деньги.)*

Савва *(поднимая руки как для удара).* Я вас!

Первый богомолец. Ребята, не бойтесь! Сюда! Сюда!

Савва *(крепко сжимая голову).* Болит, болит... Тьма идет.

Кондратий. Корчить начало! Так! Так!

Липа. Антихрист!

Тюха *(кричит).* Савка! Савка!

Савва *(мгновение глубокой, страшной задумчивости. Потом внезапно распрямляется, смотрит так, точно перед ним встал призрак, и с грозным торжеством кричит куда-то вдаль, поверх голов).* Так, значит, правда! Я прав! Я прав!

Кондратий. Братцы, да что же! Это он икону! Это он!

Человек в чуйке *(протискивается, озабоченно).* Что тут, братцы, такое? Ага! Поймали? Который? Этот? Ну-ка ты! *(Хватает Савву за рукав.)*

Савва *(рассеянно и злобно отбрасывает его).* Прочь!

Голоса. Ишь ты!.. Не выпускай!

Кондратий. Бери его!

Послушник *(кричит).* Бежите! Савва Егорыч, бе-

жите!

В течение дальнейшего Липа молится; Сперанский смотрит с жадным любопытством, и из-за его спины выглядывает Тюха. Все голоса сливаются в один испуганный, свирепый, дикий крик.

Голоса. С того боку! – Да, поди-ка сам! У тебя палка. – Эх, ты, и камня ни одного нету! – Держи, держи, уйдет!..

Человек в чуйке (*поднявшись с земли, распорядится*). Обступи его, братцы, обступи! К реке-то ему ходу не давай, – убежит. Ну-ну, постарайся!..

Голоса. Иди сам. – Сунулся раз! – Напри – так! Хватай его, хватай! – Ага!..

Кондратий (*визжит*). Бей его, антихриста, бей!

Савва (*опасность приводит его в себя. Оглядывается быстрым взглядом, намечает путь к реке и, серый, как пыль, от гнева, разом двигается вперед*). Прочь, уроды!..

Голоса. Идет! Идет! Держи! Ох, братцы! Идет! Идет!

Отступают полукругом, валясь друг на друга, перед напирющим Саввой.

Кондратий начинает закрепивать его частыми, мелкими крестиками и так крестит его во все

остальное время.

Савва (*надвигаясь*). Ну-у! Дорогу!.. Ну... поджали хвосты, собаки! Дорогу! Ну-у!

Голоса. Идет!

Навстречу Савве из толпы выходит царь Ирод и загораживает дорогу. Смотрит страшно. Савва подходит вплотную и останавливается.

Савва. Ну?

Короткая пауза и разговор почти вполголоса, почти спокойный.

Царь Ирод. Это ты?

Савва. А это ты? Пусти...

Царь Ирод. Человек?

Савва. Да. Пусти!

Царь Ирод. Спасителя хотел? Христа?

Савва. Тебя обманывают.

Царь Ирод. Люди могут обмануть, Христос нет. Как звать?

Савва. Савва. Посторонись, говорю!

Царь Ирод. Отпусти рабу Твоему Савве. Держись!

Тяжело бьет левой рукой, откуда Савва не ожидал удара. Савва падает на одно колено. Набрасывается толпа и подминает его.

Голоса. Бей его!.. Ага, так... Вертится!.. Бей!..

Послушник. Что же это, а-а-а!.. (С плачем, взявшись за голову, убегает.)

Савва (отчаянно борется; показываясь на минуту, страшный). Пустите... Го-о-о! (Падает.)

Голоса. Так его! – Раз! – Ага! – Бей! – Готов! – Нет еще! – Готов. – Да чего смотришь? – Бей! – Готов...

Голос. Ворочается.

Голоса. Бей!

Человек в чуйке. Петька, у тебя ножик! Ножиком его полосни! По горлу!

Петька (фальцетом). Нет, я его лучше – каблуком. Раз!

Кондратий (закрещивает). Господи Иисусе Христе! Господи Иисусе Христе...

Сзади отчаянные крики: «Выносят! Выносят!». В толпе избивающих движение; толпа редееет.

Голоса. Несут. – Да буде, готов! – Нет, я его еще разок. – На! – Как я его по морде! – Несут! – Братцы, несут! Несут!

Царь Ирод. Да будет вам! Обрадовались, зверье окаянное.

Голоса. Ей-Богу, несут! – Полежи тут, полежи. – Господи, не опоздать бы. – Да будет тебе! – А тебе-то жалко, – твоя голова, что ли? Разок один! Идем!

Разбегаются, открывая изуродованный труп Саввы.

Человек в чуйке. Эх, отволочь бы его, нехорошо тут при дороге. Грязно! Ребята! Слышь, ребята! Эх, народ!..

Уходит вслед за остальными, но уже навстречу валит толпа. Нестройный говор. Сперанский и Тюха осторожно подходят к трупу, становятся с обеих сторон на корточки и жадно рассматривают. Есть что-то звериное в их позах и вытянутых шеях.

Сперанский (*таинственно, со зловещей убедительностью*). Мертвый! Глаз нету!

Тюха (*сквозь все морщинки его лица, превращая его в хаос, проступает неудержимый последний смех*). Молчи! Молчи! (*Зажимает рот рукою.*)

Сперанский. А лицо спокойное, посмотрите, Антон Егорович. Оттого, что узнал правду!

Тюха (*фыркает*). Какая же у него... смешная... рожа! (*Смеется.*) Рожа!

Смеется. Смех прорывается сквозь пальцы, растет, становится неудержимым и переходит в визг. Вваливается толпа, закрывая собою труп, Сперанского и Тюху. На монастыре поднимается звон колоколов, как на Пасхе, и одновременно все поет тысячью голосов.

Толпа. «Христос воскресе из мертвых, смертью поправ и сущим во гробех живот даровав. Христос...»

Липа (*бросаясь в толпу, поет*). Христос воскресе...

Толпа валит, заполняя все. Раскрытые рты, округлившиеся, расширенные глаза. Пронзительно кричат кликуши, порченые, бесноватые. Мгновенный крик: «задавили!». Замирающий откуда-то смех Тюхи. Победное пение растет, ширится, переходит в дикий рев, покрывая собою все остальное. Колокола.

Толпа (*ревет*). «Христос воскресе из мертвых, смертью поправ и сущим во гробех живот да-

ровав. Христос воскрес...»

Занавес